

В. С. ЛАЗАРЕВ

**ЦИТИРУЕМОСТЬ
КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ
ЦЕННОСТИ И КАЧЕСТВА
НАУЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ,
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УЧЁНЫХ,
НОБЕЛЕВСКОГО УРОВНЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2020

Международный Информационный Нобелевский Центр (МИНЦ)
Российская академия естественных наук
Тамбовское региональное отделение

В.С. Лазарев

**ЦИТИРУЕМОСТЬ КАК СРЕДСТВО
ОТРАЖЕНИЯ ЦЕННОСТИ И
КАЧЕСТВА НАУЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ,
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ УЧЁНЫХ,
НОБЕЛЕВСКОГО УРОВНЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Под редакцией
профессора В.М. Тютюнника*

Тамбов – Москва – С-Петербург – Баку – Вена – Гамбург –
Стокгольм – Буаке – Варна – Ташкент
Издательство МИНЦ
«Нобелистика»
2020

International Nobel Information Centre (INIC)
Russian Academy of Natural Sciences
Tambov Regional Department

V.S. Lazarev

**CITEDNESS AS THE MEANS
OF REPRESENTATION OF VALUE
AND QUALITY OF SCIENTIFIC
DOCUMENTS, PERFORMANCE
OF SCIENTISTS AND THE NOBEL
LEVEL OF RESEARCH**

Edited
by Professor V.M.Tyutyunnik

Tambov – Moscow – St.-Petersburg – Baku – Vienna – Hamburg –
Stockholm – Bouaké – Varna – Tashkent
INIC Publishing House
«Nobelistics»
2020

УДК 001.811

Печатается по решению Редакционно-издательского совета МИНЦ,
Тамбовского регионального отделения РАЕН

В.С. Лазарев

Цитируемость как средство отражения ценности и качества научных документов, результативности учёных, нобелевского уровня исследований / под ред. проф. В.М.Тютюнника. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке; Варна; Ташкент: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2020. – 64 с.

Монография отражена в РИНЦ

По плану издательства МИНЦ на 2019-2021 г., позиция. 32

ISBN 978-5-86609-237-6

ISBN 978-5-86609-237-6



- © В.С.Лазарев, 2020
- © Международный Информационный Нобелевский Центр (МИНЦ), 2020
- © Тамбовское региональное отделение РАЕН, 2020
- © Изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2020
- © В.М.Тютюнник (научное редактирование), 2020

UDC 001.811

Printed by the decision of the INIC Editorial and Publishing Council, the
RANS Tambov Regional Department

V.S. Lazarev

Citedness as a means of representation of value and quality of scientific documents, performance of scientists and the Nobel level of research. Ed. Prof. V.M.Tyutyunnik. Tambov; M.; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm; Bouake; Varna; Tashkent. INIC Publ. House "Nobelistics", 2020. 64 s.

The monograph is indexed in the RISC

According to the INIC Publishing House plan for 2019-2021, pos. 32

ISBN 978-5-86609-237-6

ISBN 978-5-86609-237-6



© V.S.Lazarev, 2020
© International Nobel Information Centre (INIC), 2020
© RANS Tambov Regional Department, 2020
© INIC Publ. House "Nobelistics", 2020
© V.M.Tyutyunnik (scientific editing), 2020

Резюме

Полемическая публикация А.А.Крулева «Цитирование как форма научных коммуникаций» (Научные и технические библиотеки. 2020. №3. С.79–92) представляют собой критический разбор трёх публикаций автора этих строк, в котором подвергается сомнению причинно-следственная связь цитируемости научных документов с их использованием, а использования – с их ценностью.

При этом в рассматриваемой публикации, в частности, 1) отсутствует какой либо анализ понятия «ценность научного документа», а критика осуществляется как без учёта трактовки ценности, исповедуемой автором этих строк, так и без опоры на какое-либо иное определение ценности (при этом автор путает понятия «ценность» и «качество»); 2) в качестве однородных рассматриваются понятия, выделенные по различным основаниям; 3) принципиальная закономерность подвергается сомнениям на том основании, что действия некоторых людей, не соответствующие этическим нормам, могут быть произвольно направлены против её проявления; 4) высказываются неоднократные произвольные претензии к автору рассматриваемых публикаций по поводу того, что им не проанализирован ряд вопросов – безо всякого обоснования необходимости их рассмотрения.

Настойчивая и внешне разноплановая критика, из которой состоит упомянутая статья, требует опровержения, которое невозможно без краткого 1) повторного рассмотрения взаимоотношения понятий «цитируемость», «использование» и «ценность», 2) повторного рассмотрения различий между понятиями «ценность» и «качество» и возможностей использования цитат-анализа для оценки ценности и качества научных документов, 3) повторного рассмотрения различий в оценке использования документов, осуществляемой путём цитат-анализа и путём анализа обращений к документам исследователями, 4) повторного рассмотрения порочных издательских практик по манипулированию авторскими ссылками. Данный труд и является, в частности, таким опровержением.

В связи с попыткой А.А.Крулева «уточнить» понятие «ценность научного документа» через понятие «результативность учёного» здесь рассмотрены также: 5) само понятие «результата-

тивность учёного» и б) возможность оценки данного свойства по уровню цитируемости и с помощью экспертной оценки. Кроме того, в связи с взглядами А.А.Крулева на нобелевский уровень исследований и с его утверждением о том, что ценность научного документа «определяется экспертами», 7) повторно рассмотрена проблема применения данных о цитируемости для выявления работ нобелевского уровня и 8) повторно рассмотрены взаимоотношения понятий «качество документа» и «польза описанных в нём результатов для человечества». Под «повторными» рассмотрениями имеются в виду обращения как к аргументации публикаций, подвергаемых критике в статье А.А.Крулева, так и использование материалов ряда других публикаций автора, в поле зрения А.А.Крулева не попавших. Включены и новые аргументы. Таким образом, данный труд может восприниматься как дополнение и к статьям его автора, критикуемым А.А. Крулевым, и к ряду других его публикаций, оставленных А.А. Крулевым без внимания. Сводя воедино концептуальное обсуждение вопросов сущности и природы библиографического цитирования с обсуждением ряда чисто технических проблем наукометрических исследований, эта работа в какой-то степени подытоживает состояние рассмотрения проблемы «цитируемость как наукометрический показатель» (где «цитируемость» рассматривается как общий принцип, а не как набор частных индикаторов, создаваемых под специфические задачи исследований).

Ключевые слова: цитируемость, использование, ценность, качество, научный документ, наукометрия, оценка научных исследований, результативность учёных, нобелевский уровень исследований, обращения к научным документам, манипулирование авторскими ссылками, ответственность рецензентов.

Abstract

The polemical paper by A.A.Krulev entitled "Citation as a form of science communication" (Scientific and Technical Libraries. 2020, No.3, pp.79–92) claims to be a critical analysis of the three publications of the author of the present work. The paper by Krulev questions the causal relationship of the citations to scientific documents with their use, and of the documents use—with their value.

Herewith, in particular, the paper by Krulev is, first, missing any analysis of the notion of "value of a scientific document", and its criticism is carried out without any interpretation of the notion of "value" that the author of the papers under consideration uses as well as without reliance on any other definition of value. Even the concepts of "value" and "quality" are mixed up. Second, some of heterogeneous concepts are treated as homogeneous ones. Third, Krulev questions a principle pattern on the grounds that some actions of some people who do not comply with ethical standards may be deliberately directed against manifestation of a pattern. Fourth, Krulev arbitrarily makes claims to the author of the papers under consideration for not analyzing a number of issues—without any justification for the very need of their consideration.

Persistent and seemingly diverse criticism by Krulev requires the refutation, which is impossible without brief reconsideration 1) the relationship between the concepts of "citation", "use" and "value", 2) the differences between the concepts of "value" and "quality" and the use of citation analysis to assess the value and quality of scientific documents, 3) differences in the evaluation of document use, carried out by citation analysis and by analyzing researchers addressing to documents, 4) vicious publishers' practices of manipulating author's citations. The present work is, *inter alia*, such a refutation.

In regard to the attempt of A.A.Krulev to "clarify" the concept of "value of a scientific document" using the concept of "performance of the scientist" the following notions are also considered here: 5) the very concept of "performance of the scientist" and 6) the ability to evaluate this property by the level of citedness and with the use of expert evaluation. In addition, with regard to the views of A.A.Krulev concerning the Nobel level of research and his statement that the value of a scientific document —is determined by the experts",

7) the problem of using citation data to identify works of the Nobel level, and 8) the relationship between the concepts of "document quality" and "the benefits of the results (described in the document) for humanity" have been reconsidered. By *reconsideration*, I mean both the use of the argumentation of the papers criticized in the article by Krulev and of the content of a number of my other publications. New arguments are also involved. Thus, this work can be taken as an addition both to the papers of that were criticized by A.A.Krulev and to a number of other author's publications that A.A.Krulev left unattended. Bringing together a conceptual discussion of the essence and nature of bibliographic citation with a discussion of a number of purely technical problems of scientometric research, this work to some extent summarizes the state of consideration of the problem of "citedness as a scientometric indicator" (where "citedness" is considered as a general principle, but not as a set of particular indicators supposedly matching specific research tasks).

Keywords: citation, use, value, quality, scientific document, scientometrics, evaluation of scientific research, performance of the scientist, Nobel level of research, addressing to scientific documents, manipulating author's citations, responsibility of peer reviewers

1. Введение

Полемиическая публикация А.А.Крулева [1] обращает внимание читателей журнала «Научные и технические библиотеки» на мои статьи [2-4]. Этому можно было бы только радоваться, если бы не то обстоятельство, что статьи эти подвергнуты столь настойчивой и разносторонней критике, что читатель, не являющийся «фанатиком» цитат-анализа, может и потерять желание обратиться к самим цитируемым работам. При этом публикация А.А.Крулева столь ярко пестрит оборотами вроде «В.С.Лазарев не упомянул», «В.С.Лазарев не делает», «В.С.Лазарев полностью обошёл», что не сразу и задашься вопросом: «*А было ли нужно* упоминать, делать и т.п.?»... и вместо переадресовки читателя к рассматриваемым работам [2-4] в его сознании может вполне произойти их «замещение» статьёй А.А.Крулева. Понятно, что такая перспектива радовать меня никак не может, а, с учётом важности обсуждаемых вопросов, я и не вправе был уклониться встречного разбора публикации А.А.Крулева, который может оказаться полезным и в связи с пресловутым тезисом «в споре рождается истина». Кроме того, поскольку в данном труде, следуя за логикой моего оппонента и принятой им структурой изложения обсуждаемых вопросов, я вынужденно свёл воедино концептуальное обсуждение вопросов сущности и природы библиографического цитирования с обсуждением ряда чисто технических проблем наукометрических исследований, в результате получилась, как я надеюсь, работа, в известной степени подытоживающая публикации по проблеме «цитируемость как наукометрический показатель». («Цитируемость» рассматривается мной как общий принцип, а не как набор частных индикаторов, создаваемых под специфические задачи исследований.) В связи с тем, что А.А.Крулев пытается в своей статье [1] вывести тематику выявления научных работ нобелевского уровня за рамки полезной применимости цитат-анализа, в этой работе так-

же повторно рассматривается важная проблема применения данных о цитируемости для выявления работ нобелевского уровня. Наконец, автором данной работы здесь впервые рассмотрены понятие «результативность учёного» и возможность оценки данного свойства по уровню цитируемости работ учёного и с помощью экспертной оценки, – что было вызвано попытками А.А.Крулева переместить обсуждение проблемы оценки ценности научного документа в контекст оценки т.н. «результативности учёного».

При вынужденных повторных рассмотрениях тех или иных вопросов я старался по возможности не злоупотреблять пересказом и цитированием своих работ и стремился к тому, чтобы основным моим инструментом в этой вынужденной полемике были просто ответы на критику и комментарии. (Понятно, что сделать это было возможно отнюдь не всегда.)

2. Два принципиальных методологических изъяна работы моего критика

Основная задача работы А.А.Крулева выглядит так: «В.С.Лазарев описывает «цепочку» <...>: «Цитировано, потому что использовано, а если использовано, значит – ценно». Достоверность предложенной зависимости вызывает сомнения. Выявленные автором связи следует последовательно критически рассмотреть» [1, с.81].

В цитируемой фразе упоминается понятие ценности научного документа, и кажется очевидным, что рассмотрению «связей» между понятиями должно было предшествовать рассмотрение самих понятий. Так, если для А.А. Крулева сомнительно, что какой-то объект при выполнении определённых условий демонстрирует свою ценность, не следовало ли, прежде всего, разобраться, что утверждавший это автор имеет в виду под ценностью? А, установив это, не следовало ли определить, является ли такая трак-

товка данного свойства правомочной? Затем, если ответ на данный вопрос представлялся отрицательным, либо, если, по мнению критика, используемая трактовка допускает альтернативу, не следовало ли обосновать и изложить собственное понимание ценности, указав на отличия в используемых трактовках? И лишь затем вступать в полемику?.. Но ничего подобного в статье [1] нет, и её автор вступает в рассмотрение проявления научными документами ценности, вообще не опираясь на какое-либо определение этого понятия.

Принципиальному вопросу понимания ценности как свойства научного документа посвящены третий и четвёртый разделы статьи [1] под названиями «Использовано, но не ценно» и «Ценно, но не использовано», в которых выражены попытки опровержений моих взглядов по данному вопросу. А.А.Крулев осуществляет их, не только не оговорив содержания рассматриваемого понятия, но и путая понятия «ценность» и «качество».

Также в [1] общему принципу осуществления цитирования противопоставлены частные... даже не всегда особенности его проявления, но – особенности человеческой деятельности по *имитации* цитирования, которая *может сосуществовать* подлинному цитированию. Такая аргументация подобна следующему условному утверждению: «Идея монетарной системы сомнительна, поскольку встречаются фабрикаторы фальшивых банкнот». Она применена в первом («Цитировано, но не использовано») и во втором («Использовано, но не цитировано») разделах статьи [1].

Набор методологических ошибок моего оппонента этим не исчерпывается, однако, важнейшими ошибками я считаю именно названные в данном разделе. Поскольку принципиальному вопросу понимания ценности как свойства научного документа посвящены, как указывалось выше, третий и четвёртый разделы статьи [1], начнём разбор с третьего раздела («Использовано, но не ценно»).

3. «Использовано, но не ценно»

В рамках представлений о ценности, которое используется в моих публикациях [2-4] (и которое не подвергается в разделе «Использовано, но не ценно» статьи А.А. Крулева никаким попыткам ревизии), данный тезис может получить только самый категорический комментарий: *так попросту не бывает*. Ибо «в науке об информации понятие ценности определяется как –ево́йство информации, определённое её пригодностью к практическому использованию в различных областях целенаправленной человеческой деятельности для достижения определённой цели” [5, с.464]¹. Ценность информации прямо связана с ее использованием, будь то единичный документ или научное периодическое издание как организованная совокупность документов: вне научного документа человеческое общество не имеет и научной информации, так как именно документ является материальной формой её фиксации. Итак, должно быть ясным, что, будучи методом непосредственной оценки состоявшегося использования <...> цитируемых объектов <...>, подсчёт ссылок является методом косвенной оценки их ценности [6, р.273]. Обновлённое определение ценности не противоречит сказанному, но подтверждает его: Ценность, в том числе научная, не является чисто природным свойством предмета (в нашем случае информации), а образуется в результате предметно-практического взаимодействия объекта и субъекта. Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности. <...> Ценность объективна как порождение практического отношения (взаимодействия) объекта и субъекта

¹ При дословном цитировании отрывков, которые сами содержат цитаты, используется, естественно, порядковая нумерация ссылок не цитируемых статей, а *данной* статьи.

<...> [7, с.232]”» [8, с.96–97]². «Мало того, если в философии –ненность” трактуется как критерий предпочтительности в ситуации альтернативного выбора [10, с.111], то выбор конкретной ссылки из множества возможных <...> уже свидетельствует о ценности процитированного!» [2, с.6]. Соответственно: не выбрано, значит – не ценно.

Никак не пытаюсь опровергнуть представленные выше аргументы (содержащиеся в моих работах!), А.А.Крулев просто утверждает, что ситуации «использовано, но не ценно» – возможны. Между тем, в соответствии с формулировкой профессора В.М.Тютюнника, мой (очевидный!) подход к понятию ценности – это подход «с классической информационной точки зрения» [11, с.5]. Если А.А.Крулев был согласен с данным видением ценности, он просто не имел права на саму формулировку «использовано, но не ценно»: *только использование и указывает на ценность* со всей определённой. Если же не был согласен, – то утверждению о возможности ситуации «использовано, но не ценно» должен был бы предшествовать его анализ исповедуемого мной понимания ценности, его аргументированная критика, и предложенная альтернатива. Однако, вместо обсуждения предмета спора по существу раздел под названием «Использовано, но не ценно» заполнен примерами того, что цитируемый документ может не поддаваться идентификации³. При этом А.А.Крулев сам признает, что «идентификация не является индикатором ценности» [1, с.85]⁴. Далее, «”плохой” список литературы», – пишет А.А.Крулев, – «может стать причиной отклонения рукопи-

² О последнем – следующими простыми и понятными словами говорят классики: «Кто может <...> определить, какая научная информация является ценной, а какая – нет? <...> Таким судьёй может быть только общественная практика» [9, с.167].

³ У нас есть свои – причём не умозрительные – публикации на эту частную тему (например, [12]), но к рассматриваемым вопросам ни они, ни замечание А.А.Крулева не имеют.

⁴ Дальнейшее цитирование публикации А.А.Крулева [1] будет сопровождаться только указанием страницы его работы.

си. К ненадлежащему *качеству* <выделено мной – В.Л.>, с точки зрения редакторов и МНБД⁵, приводят: преобладание ссылок на малоизвестные источники, отсутствующие в МНБД, на недоступные источники (с точки зрения редакторов); преобладание русскоязычных ссылок на источники, отсутствующие в МНБД» (с. 86). Но подобные оценки *относятся к издательскому произволу и не имеет никакого отношения к ценности цитируемой литературы*. Перепутав *ценность* с *качеством*, А.А.Крулев сам прямо указывает, что речь здесь идёт о *качестве* – т.е. о степени «соответствия набора присущих характеристик <...> объекта <...> требованиям» [13, с.15; 14, п.3.6.2.], – а не о ценности. «Набор присущих характеристик» научного документа определяется требованиями *к самому документу*, а не к характеристикам его цитируемости и потому может быть определён только с помощью экспертной оценки его *содержания* [8, с.95], что и происходит при работе редакторов со статьями [15, р.70]. «Качество познаётся скорее абстрактно, вне процесса использования объекта и удовлетворения с его помощью конкретных нужд (и безусловно к такому использованию или удовлетворению) [16, с.127]; причём познание строго зависит от познающего субъекта [*Там же*] и осуществляется с помощью некоего идеального стандарта [17, р.915]» [6, р.274]. «Можно, конечно, уговорить эксперта провести «априорную оценку ценности», но как такую оценку ни называй, она окажется оценкой качества — в соответствии с самим определением данного свойства» [4, с.134]. Пример того, до какого абсурда может прийти редактор в оценке списка цитируемой литературы как «плохого», приведён нами с Сергеем Назаровцом в [18], где описано, как американский журнал требовал от нас замены ссылки на работу классика наукометрии И.В.Маршаковой-Шайкевич, автора прорывного метода, вошедшего в историю науки, «на более известную ана-

⁵ Т.е. международных научных баз данных.

логичную работу на английском языке». Но уменьшает ли ценность классиков «забвение» их некомпетентными редакторами? Нет – пока их трудами *пользуются авторы*; и наша статья с оригинальными ссылками была опубликована в другом журнале.

А.А.Крулев также рассматривает в данном разделе технические проблемы наукометрических исследований цитируемости, связанные с ретракцией публикаций и имеющиеся, по его мнению, наукометрические проблемы, связанные с деятельностью репозиториев. Никакого отношения к принципу установления ценности документов на основании их цитируемости эти рассуждения о технических особенностях исследования цитируемости не имеют. Но данные рассуждения дают ему поводы для использования формулировок «В.С.Лазарев полностью обошёл тему ретракции публикаций» (с.86) и «В.С.Лазарев не упомянул и репозитории»⁶ (с.87)... Если имитировать стиль моего оппонента, А.А.Крулев «полностью отказался» от приведения хоть каких-нибудь доказательств необходимости упоминания о ретракциях и репозиториях в теоретических статьях о ценности научных документов и принципиальном подходе к её оценке... Однако, рассмотрим эту часть публикации [1] подробнее. А.А.Крулев пишет, что «в числе прочих в репозиторий могут быть включены документы, которые будут изменены после официального опубликования. Корректировки могут коснуться использованного списка литературы» (с.87). Но для чего в прикладной наукометрии следует использовать в качестве *источника* библиографических ссылок *предварительные варианты статей, размещённые в репозиториях* и не отражённые в наукометрических базах данных? Было бы, напротив, интересно исследовать практику *последующей цитируемости статей, препринты которых были предварительно размещены в репозиториях*, – при получении вариантами цитируемой

⁶ Вместо обычно практикуемого в таких случаях в научных дискуссиях выражения «По нашему мнению, автору следовало бы также...».

статьи различных библиографических описаний, изменения её исходного названия под нажимом рецензента или редактора журнала; проблему «накапливания» ссылок её разными вариантами. «Дополнительные» ссылки *на* препринты – при условии их выявления – могут лишь *дополнить* наукометрические данные. Да и ссылки *в* препринтах, против изучения которых вроде бы выступает А.А.Крулев, – это ссылки, *точно не искажённые редакторским вмешательством*. В любом случае, здесь обсуждается чисто технический вопрос, – подобный множеству других технических вопросов, не имеющих отношения к принципиальной закономерности «цитировано, потому что использовано»⁷.

Итак, что же из помещённого А.А.Крулевым в разделе под названием «Использовано, но не ценно» действительно относится к обсуждению проблемы оценки ценности научных документов и отражения их использования в их оригинальной цитируемости, то есть цитируемости, выполненной цитирующими авторами без вмешательства редакторов и рецензентов?.. При этом надо признать, что некоторые заблуждения моего оппонента в каком-то смысле типичны. Я имею в виду, что на практике он не видит разницы между ценностью и качеством: подобного рода путаница характерна даже, к примеру, для такого источника, как «Руководство по наукометрии» [19, с.118–120], где вначале указано, что «исследователи цитируют те материалы, которые подтвердили для них свою ценность» [19, с.118–119], но далее мы читаем, что «если вдуматься, то количество цитирований скорее является не показателем *качества*, а показателем полезности или влияния» [19, с.120] (Выделено мной – *В.Л.*). В том примере термины «качество» и «ценность» произвольно употреблены как си-

⁷ Упомянем лишь о некоторых из авторов, разделяющих данное мнение, из числа процитированных в моих работах [2-4], рассмотренных А.А.Крулевым: Р.С.Гиляревский, О.Воверене, Е.З.Мирская, О.В.Кириллова, М. MacRoberts и В. MacRoberts, A. van Raan...

нонимичные, и мой оппонент оказался в данном случае лишь верным последователем данного текста. (При этом, увы, тот факт, что критикуемая им моя работа [2] содержит разбор и аргументированную критику этого примера [2, с.4], ускользнул, от его внимания.)

Таким образом, рассмотрение раздела статьи А.А. Крулева под названием «Использовано, но не ценно», ещё раз подтверждает критическую важность использования в наукометрии однозначно и предельно конкретно трактуемой терминологии.

4. «Ценно, но не использовано»

Единственная фраза А.А.Крулева, которую в данном разделе статьи можно напрямую соотнести с его названием, это: «Документ, признаваемый одним автором или коллективом авторов ценным, может не только быть подвергнутым критике со стороны оппонентов, но и просто не приниматься в расчёт. Это неизбежно проецируется и на наукометрические показатели» (с.87). Надо полагать, что отсюда, по логике автора, и следует, что ряд ценных документов *сознательно не использует* определёнными группами недоброжелателей.

Однако, «ценно, но не использовано», – это такой же нонсенс, как и «использовано, но не ценно»: ведь именно в использовании объекта и реализуется его ценность (см. выше), следовательно, в отсутствии использования объекта о его ценности судить просто невозможно⁸. Априорная

⁸ Напомним: «Любая ценность обусловлена практикой, понимаемой в самом широком смысле этого слова, и практика выступает как объективный определитель ценности» [7, с.232] (Выделено мной – В.Л.). А.А.Крулев вправе исповедовать иное понимание ценности, – но в этом случае ему следовало бы *обязательно* привести и обосновать разделяемое им определение и попытаться показать, почему трактовка этого понятия автором, которого он стремится подвергнуть критике, является, по его мнению, неудовлетворительной. В отсутствие этих

оценка документа – это оценка его *качества*, а не ценности, – как бы мы при этом ни называли оцениваемое свойство и как бы ни путали понятия качества и ценности. То есть когда какой-то учёный при изучении документа своих коллег оценивает его как *высококачественный*, но отказывается от его использования («просто не принимает в расчёт»), эту ситуацию нельзя трактовать (как это делает А.А.Крулев) как отказ от признания высокой *ценности* документа: документ, *до тех пор, пока он не использован данным учёным*, для данного учёного ценности лишён. При этом можно сколько угодно говорить о его латентной или потенциальной ценности, но это будет не более чем игрой слов: оценить «латентную ценность» невозможно. Документ будет ценным для одной группы учёных (тех, кто *использовал*), но качественным (не ценным) – для другой (тех, кто *признал* его высокое качество, но от использования воздержался). Поэтому ситуация, смоделированная А.А.Крулевым, оказывается надуманной: «ценно, но не использовано» – так попросту не бывает! Возможна другая ситуация: использовано, но не процитировано (см. ниже), и весьма похоже, что А.А.Крулев имеет в виду все-таки именно её.

Мало того, учёный, не использовавший качественный, вдохновляющий его документ, *не обязательно отказывался* от его использования: время его использования ещё просто могло не наступить. «Кто-то может находиться под серьёзным впечатлением <...> какого-то документа, но если документ тот остаётся источником идей, ещё не нашедших применения в конкретной работе, процитирован он не будет» [2, с.7], и документ, оставаясь *качественным*, пока просто не может стать *ценным*, поскольку ещё отсутствует практика его использования.

А ещё документ, «признаваемый одним автором или коллективом авторов ценным», может быть не использо-

действий возражения, связанные с понятием ценности документа, являются абсолютно необоснованными.

ванным «оппонентами» и по такой очевидной причине, что он и *качественным*, по их мнению, *не является*. В условиях существования противостоящих друг другу научных школ – ситуация более, чем обычная! Можно также предположить, что он просто остаётся им неизвестным⁹. Все эти причины, как минимум, не менее вероятны, чем недобросовестность исследователей. Последняя, кстати, должна быть доказана (презумпция невиновности должна действовать и в наукометрии). А по логике моего оппонента получается, что обвинить группу учёных в недобросовестности можно просто из-за несовпадения оценок определённых публикаций или из-за того, что учёным не был представлен эффективный доступ к релевантным документам! (Конечно, примеров недобросовестности учёных также можно привести более чем достаточно; важно, однако, чтобы это были полностью доказательные примеры.)

Кстати, в рассматриваемой фразе А.А.Крулев по-видимому признает, что не считает отрицательное цитирование проявлением использования и ценности, т.к. ставит рядом и «критику» и «неприятие в расчёт» документа. Но в системе научных коммуникаций критика выражается в отрицательном *цитировании*, а «неприятие в расчёт» – в *его отсутствии*. Отрицательное цитирование – такой же индикатор ценности, как и любое другое. Отрицательное цитирование – это низкая оценка *качества*, а не ценности цитируемых работ [2, с.12]. Пытаясь критиковать мою работу [2], А.А.Крулев не обратил, похоже, внимания, на её следующий фрагмент:

«Если меня спросят: —Как <...> быть со статьёй О.В.Михайлова <[20]>, на опровержение аргументации которой ты потратил столько эмоций, столь обильно при этом её цитируя: она, что же, тоже по твоей логике, ценная?», я

⁹ Общеизвестно, что *все* документы, содержащие информацию, релевантную конкретному исследованию, никогда не достигают авторов, выполняющих данное исследование. Однако этот довод никогда ни использовался для отказа от наукометрии.

ответу: —Безусловно, да: разбирая её, я находил новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему””. <...> Что же до её качества, мой ответ совсем иной <...>. Итак, —**отрицательные ссылки**” являются не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, а, быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не <...> качественных работ.... Кстати, из аргументов О.В.Михайлова я рассмотрел лишь два: проигнорированные не стоят, на мой взгляд, обсуждения <...>, а ведь давно общепринятым стало то, что в таких случаях никакого отрицательного цитирования не происходит» [2, с.12].

А.А.Крулев отмечает, что мной проведён терминологический анализ понятий *полезность, влияние, качество, значимость, ценность* и **установлена их неидентичность**. Далее утверждается, что я приписываю термину «ценность» какой-то «особый статус», хотя проще и понятнее было бы сказать, что я утверждаю, что данное свойство *преимущественно* отражается в цитируемости *на основании прямых причинно-следственных связей*. Здесь моим оппонентом приводится цитата из моей работы «Ценность – это свойство, отображаемое цитируемостью объекта по преимуществу» [2, с.8]. С цитатой все в порядке, но, поскольку А.А.Крулев не приводит ни используемого мной, ни собственного определения ценности, эта вынутая из контекста цитата может вызвать у читателя ложное впечатление, что она-то и есть «определение ценности по Лазареву». После приведения цитаты же констатируется: В.С.Лазарев убеждён, что «лучшего критерия <ценности> в наукометрии не существует».

Казалось бы, имеет место объективный пересказ чужой точки зрения, лишённый критики. Между тем, отсутствие в статье А.А.Крулева определения ценности, цитата, которая может быть ошибочно принята за её определение мною, нечёткость формулировки про «особый статус» ценности – все это может вполне вызвать определённый скепсис читателя по отношению к изложенным моментам. А фраза о том, что я «убеждён в том, что лучшего критерия <ценно-

сти> в наукометрии не существует», оставленная без комментариев, как бы предполагает наличие такого (более уместного) критерия. Что ж, давайте вновь задумаемся, может быть, он действительно имеется?

Меня «всегда удивляла формулировка «недостатки анализа цитирования»: о недостатках какого-либо метода следует говорить при наличии лучшего либо эталонного, а при их отсутствии стоило бы говорить только об *особенностях*... Так, в работе [20] скрупулёзно собраны «недостатки» метода, который подвержен уничижительной критике; работа завершается утверждением, что «требуется принципиально иной базис. Но это – тема для отдельного разговора» [20, с.207]. Естественно, что этого разговора нет в критикующей работе. Его и не могло быть, т.к. нет ни эталонного, ни «лучшего» метода, направленного на оценку того же свойства объектов» [2, с.8]. Это даже доказательств не требует, поскольку, если бы такой метод существовал, давно произошёл бы массовый отказ от применения анализа цитируемости и переход к использованию эталонного метода. Некоторые, правда, считают, что возможность с помощью учёта запросов на копии или обращений к рефератам документов «получить данные *раньше, в большем количестве, и несовпадающие*» [2 с.8] свидетельствуют об использовании метода, «лучшего», чем анализ цитируемости. Однако «ни «раньше», ни «больше» не обеспечит преимущества, *если данные неадекватны*; в качестве же доказательства их адекватности и выставляется факт самого несовпадения данных. Таким авторам и в голову не приходит, что это же несовпадение с таким же успехом можно засчитывать в качестве довода «за» анализ цитирования» [2, с.8]. Чтобы быть максимально понятным, однажды я прибегнул к такому сравнению: «Я сравнил бы сохранение библиографического описания публикации с ощущением «еда вкусно пахнет», загрузку полного текста – с помещением вкусно пахнущего блюда в холодильник, а цитируемость – не просто с его съедением (с ним уместно сравнить

прочтение), а с применением конкретных набранных от данного блюда калорий в конкретном деле. И где же в этом ряду примеров лучше отображается использование?! Ответ очевиден...» [21, с.15]. Между тем, есть специалисты, не только готовые утверждать, что анализ запросов на документы и обращений к ним «лучше» отражают *использование*, нежели анализ цитируемости, но даже предложившие определение «использования», которое «гласит: ~~использование~~ возникает, когда пользователь оформляет запрос на обслуживание, относящийся к определённом научному ресурсу, в конкретную информационную службу» [22, р.6]. То есть в определении **использования** говорится исключительно о **запросе**; о самом же *использовании запрошенного* в <таком> определении использования не говорится вообще ничего. И это противопоставляется анализу цитирования!» [2, с.8].

Я уделил здесь – право же, вынужденно! – столько внимания пересказу и цитированию уже опубликованного, поскольку хотел подчеркнуть, что моя позиция по отношению к «лучшему критерию <ценности> в наукометрии» (как его называет А.А.Крулев) – это отнюдь не произвольное утверждение¹⁰.

Ничего не противопоставив тезису о «лучшем критерии», А.А.Крулев утверждает затем, что «в проанализированных публикациях [3; 4] крайне мало внимания уделено такому показателю, как результативность» (с.87), – считая, по-видимому, что «результативность» должна то ли входить в состав понятия «ценность», то ли дополнять его¹¹.

¹⁰ Спор с несогласными с этим тезисом начался не вчера. См., например, мою работу [23], которая, будучи опубликованной в 1989 году, была написана ещё в 1986-м, но «застряла» по дороге в печать, т.к. в своё время её отказался печатать сборник «Научные и технические библиотеки СССР». См. тж. [24, р.8–11]. Однако, заблуждение о «преимуществах» анализа обращений к документам и запросов на них остаётся распространённым. Подробно этот вопрос рассмотрен в [2, с.8–10].

¹¹ Я не «крайне мало», как пишет мой оппонент, уделял внимания «результативности»: я не уделял ей *никакого* внимания. Про-

Поскольку, с одной стороны, о «результативности» ранее мне писать не доводилось, а, с другой стороны, позиция моего критика никак не конкретизирована, на это «обвинение» следует ответить подробно.

4.1. «Результативность»

Анализируемые мной ранее **свойства** документов (*полезность, влияние, качество, значимость, ценность...*) в той ли иной степени «засвечены» в наукометрической литературе; поэтому выбор их был естественным – даже неизбежным. А.А.Крулева не устраивает, что я не уделил внимания **показателю** (он пишет «*показателю*», а не «*свойству*»!) «результативность». Но показателем *какого именно свойства документа* является «результативность»? И относится ли данное свойство именно к документу? И почему показатели и отображаемые в них свойства рассматриваются А.А.Крулевым как синонимы или как объекты, выделенные по единому основанию?!

Поскольку далее А.А.Крулевым указано, что «в научном сообществе сам факт публикации иногда признается результатом» (с.87), можно предположить, что под «результативностью» он имеет в виду продуктивность – свойство (все-таки *свойство*, а не показатель!) периодического издания содержать то или иное количество публикаций, непосредственно измеряемое этим количеством [25]; этим же свойством зачастую характеризуют теперь и учёных. Итак, во-первых, свойство, характеризующее *учёных* (продуктивность или «результативность»), противопоставлено свойству, характеризующему *документ* (ценность), что само по себе некорректно. Кроме того, может ли изучение

сто как предмету, *не имеющему отношения* к рассматриваемым в [3; 4] вопросам. Был ли должен? Дальнейший текст поможет в этом разобраться.

продуктивности учёных уточнять или дополнять постижение *ценности* созданных ими *документов*?!

Разумеется, очевидный метод подсчёта публикаций не мог быть обойдён и моим вниманием (из последних работ здесь можно упомянуть [26]). Но в [3; 4] рассматривать его я был, мягко говоря, не должен. В качестве инструмента оценки научного труда («результативности»?) подсчёт публикаций подвергался вполне уничижительной критике уже в 60-е годы прошлого века [27]. Так, уже тогда отмечалось [27], что авторы часто были вынуждены искусственно завышать число своих публикаций; что уж говорить о сегодняшней вынужденной практике научных публикаций «методом *salami slicing*»! О спорности подхода свидетельствует и наличие лауреатов Нобелевской премии, которые на момент её присуждения имели совсем незначительное количество публикаций: 84, 51... [11, с.5]. К оценке же *ценности* научных публикаций их количество не имеет никакого отношения.

В работе [28, с.45] указано, что «*Количество публикаций* в рецензируемых академических изданиях, их цитируемость и производные индикаторы приняты большинством стран в качестве основных критериев результативности науки» (выделено мной – *В.Л.*). Но поскольку «продуктивность» (измеряемая числом публикаций) и «ценность» (оцениваемая по уровню цитируемости) – это *разные* свойства, то концепция оценки результативности (синтетической характеристики научной деятельности, никак в цитируемой работе [28] не определённой¹²) не может дополнить или уточнить концепцию ценности научного документа. Никто никогда не гово-

¹² Мало того, следующая цитата из [28, с. 45] свидетельствует, на наш взгляд, и о признании её автором неустановленности полноценных логических связей между числом публикаций и «результативностью»: «Для того чтобы концептуализировать результативность научной деятельности, необходимо определиться со способом измерения продукта труда учёных — одной из ключевых проблем статистики на протяжении примерно 80 последних лет».

рил, что вообще не следует изучать число публикаций; однако же, это – «*совсем-совсем* другая история».

Далее в своей статье А.А.Крулев цитирует работу [29], в которой нет определения «результативности», но цитируется помогающее уяснить его определение понятия «научный результат», приведённое в Федеральном законе России «О науке и государственной научно-технической политике»: «Научный и (или) научно-технический результат – продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе» [29, с.15]. Часть определения, выраженная словами «зафиксированный на любом информационном носителе» уже предполагает, что «продуктом» оказывается *документ* (единство информации и материального носителя [14, п.3.8.5.]); формулировка же «продукт научной <...> деятельности» сама трактуется как её «результат» [29, с.16]; и в результате мы получаем результат научной деятельности, «зафиксированный на любом информационном носителе», то есть *научный документ*. Эти отождествления вновь приводят к необходимости ассоциировать «результативность» с подсчётом документов. Причём против синонимичности понятий «продукт» и «результат» и с критикой определения «научного результата», используемого в Федеральном законе, выступал сам цитируемый А.А.Крулевым А.С.Кулагин [29], т.е. наметившаяся было определённость в трактовке используемого в [1] термина «результативность» (А.А.Крулев не приводит никакого определения!) пропадает.

«В научном сообществе сам факт публикации иногда признается результатом, т.е. *она не менее важна, чем качество*», – завершает цитируемую выше фразу А.А.Крулев (с.87, выделено мной – *В.Л.*). Я не случайно пришёл к необходимости разбирать это предложение по частям: здесь – новый поворот: данные о числе публикаций должны *дополнять* данные об их *качестве*. Но ведь полемика велась вокруг совсем другого понятия – *ценности*, и рассматриваемые А.А.Крулевым мои статьи посвящены оцен-

ке вовсе *не качества, а ценности*; при этом мой отказ признавать идентичность качества и ценности А.А.Крулев считает «аргументированным», а мою статью, посвящённую анализу понятия и определения качества [8], он, пользуясь его лексиконом, «полностью обходит». Следовательно, остаётся единственное объяснение данной фразы: А.А.Крулев перепутал ценность с качеством через 14 строчек после того, как признал неидентичность этих свойств.

Как бы то ни было, обращение А.А.Крулева к понятию «качества» может быть связано с его стремлением рассмотреть проблему «результативности». Так, в цитированной несколько выше работе [28] среди прочего указано, что «публикационная активность *вместе с* несколькими другими подходами (*прежде всего профессиональной экспертизой*) остаётся основной и наиболее репрезентативной характеристикой национального и индивидуального научного вклада» [28, с.45] (Выделено мной – *В.Л.*). Хотя речь идёт о «вкладе», из контекста понятно, что вновь имеется в виду результативность (впрочем, и сама «результативность», и контекстуально синонимичный ей «вклад» никакого определения в статье [28] также не получают). А «профессиональная экспертиза» – это средство оценки именно *качества* [8]. Итак, получается, что «результативность» включает в себя и ценность научных документов (определённую на основании данных об их цитируемости), и их качество (по данным экспертной оценки), и продуктивность учёных (по числу их публикаций). Итак, это – синтетическое понятие из совсем другого ряда, нежели *полезность, влияние, качество, значимость, ценность*... Понятно, что рассматриваться в этом ряду оно ни в коем случае не должно, и уточнить с его применением трактовку понятия «ценность» [2-4] – невозможно.

Обращаясь к трактовке результативности, отличной от продуктивности, сообщая при этом, что «этот термин» («результативность») «следует рассмотреть подробнее» (с.87), и не определяя его при этом никак, А.А.Крулев в качестве «более подробного рассмотрения термина» при-

водит следующее рассуждение: «Если понимать наукометрию только как контроль за публикацией документов, их использованием и оценкой посредством цитируемости, то предложенная В.С.Лазаревым цепочка (даже с учётом всех приведённых выше аргументов) могла бы приниматься безоговорочно¹³. Однако результат, который может быть зафиксирован с помощью научных публикаций или не зафиксирован вовсе, является крайне важным критерием, демонстрирующим связь между теорией и практикой».

Если следить за интонацией, а не за смыслом, то получается, что, поскольку В.С.Лазарев не интересуется в [2-4] вопросами учёта такого результата, критика все же оправдана?

Однако упомянутый «результат, который может быть зафиксирован с помощью научных публикаций или не зафиксирован вовсе» – это, как мыслится, объект, находящийся *вообще за пределами наукометрии*. Ведь выявление выдающихся результатов непосредственно из текстов¹⁴ осуществляется путём смыслового анализа, для выполнения которого необходимо привлечение экспертов – специалистов в той области, в которой данный результат был получен, – а не наукометристов. Такой анализ может быть приложим к весьма ограниченному количеству уже отобранных ранее документов, а не к серьёзному фрагменту мирового их потока (в отличие от анализа цитируемости). Является ли такая оценка ответственностью наукометрии? Возможна ли такая оценка с помощью наукометрических средств? Соотносится ли она с понятием «ценность документа»?! (Ещё раз напомним очевидный ответ на последний вопрос: нет, такая оценка – это оценка *качества*.)

¹³ Если «предложенная В.С.Лазаревым цепочка (даже с учётом всех приведённых выше аргументов) могла бы приниматься безоговорочно» [1, с.87], то с учётом этого признания много ли стоила вся предыдущая критика даже в глазах самого критика?!

¹⁴ Как может быть осуществлено упомянутое моим оппонентом выявление «результата, не зафиксированного вовсе», то есть не облачённого в текст, судить не берусь. (Разве что путём *телепатии*?)

4.2. Проблема оценки нобелевского уровня исследований и её трактовка А.А.Крулевым

Что же касается вопроса, является ли такая оценка ответственностью наукометрии, то А.А.Крулев и сам помогает дать на него отрицательный ответ, «усиливая» свою аргументацию следующим рассуждением: «А.С.Кулагин приводит следующий пример смыслового анализа результатов: –Нобелевская премия присуждается не за публикации, пусть даже цитируемые многими, а за конкретный установленный факт [29]”» (с.87–88). Но ведь экспертные оценки, организуемые комитетами по награждению Нобелевскими премиями, которые осуществлялись задолго до появления самого термина «наукометрия», никогда не назывались наукометрическими. Организация более «облегчённых» экспертных оценок в приложении к относительно большим массивам документов, за которой следует статистическая обработка результатов, вполне признается рядом авторов наукометрическим методом [30]), но она не направлена на оценку их ценности. Можно пытаться проводить одновременную оценку качества (экспертная оценка) и ценности (анализ цитируемости) научных документов, более того, – такие исследования достаточно широко известны [31–34]¹⁵, но всё это не имеет никакого отношения к «уточнению» понятия ценности. (Занятно, что А.А.Крулев говорит о «результате», являющимися «крайне важным критерием» (с.88), но не поясняет, критерием *чего*. Ведь стоит ему признаться, что он подменил свойство «ценность» свойством «качество», как и эта часть его критики рассыплется *с полной очевидностью*.)

Как видим из окончания цитаты, примером результата, якобы не связанного с публикациями, А.А.Крулев считает «конкретный установленный факт», за который присужда-

¹⁵ Здесь можно отметить, что результаты J.Nicolaisen [34] демонстрируют расхождения, предположительно вызванные «отрицательным цитированием» («ценно, но не качественно»).

ются Нобелевские премии. Цитирую ещё раз: «Нобелевская премия присуждается не за публикации, пусть даже цитируемые многими, а за конкретный установленный факт» (с.87–88). Что ж, с одной стороны, Нобелевские премии действительно присуждаются порой учёным, имеющим лишь чуть более 50-и публикаций [11, с.5], так что может показаться, что публикации здесь действительно не при чём. Но с другой стороны, цитируемая фраза о «конкретном установленном факте», грубо говоря, неверна. В самом деле, в мире **необъятное множество** «конкретных установленных фактов», но Нобелевские премии вручаются не них вообще, а, в соответствии с формулировкой завещания Альфреда Нобеля, «за наибольшую пользу человечеству», приносимую открытиями и изобретениями по физике, химии и физиологии или медицине [35]. Понятно, что это никак не соотносится с количеством публикаций; но *не совпадает это* и с понятием «конкретный установленный факт».

При этом «польза» вообще определяется, как я уже упоминал, экспертами-отраслевиками, а не наукометристами; а понятие «пользы, принесённой человечеству», из рассмотренных мной свойств цитируемых документов [2, с.5] наилучшим образом, как было показано мною в [36], соотносится с понятием их «качества» [36, с.38–51], – а *во все не их ценности* [36, с.31–38]. Поэтому практика умозрительной оценки *качества* («пользы») нобелевского уровня экспертами никак не может быть источником для каких-либо уточнений понятия *ценности* научных документов и пересмотра практики её оценки на основании анализа цитируемости.

Всё как раз наоборот: практика оценки уровня цитируемости документов может быть полезна для выявления работ нобелевского уровня. По уровню цитируемости Институтом научной информации неоднократно предсказывались лауреаты Нобелевских премий: оказалось, что нобелевские лауреаты цитируются в 30–50 раз (в зависимости

от дисциплины) чаще, нежели средние учёные [37]. «Ранжирование наиболее цитируемых авторов выявляет группы или наборы авторов –Нобелевского класса», включая уже получивших Нобелевскую премию» [38, p.120]. В своём неопубликованном докладе [39] Ю.Гарфилд упоминал о письме Вильгельма Удельберга (Wilhelm Odelberg), бывшего главного библиотекаря Королевской шведской академии наук, посланном им докладчику в 1965 г., в котором указывалось, что «–Science Citation Index» полезен и представляет для нас большую ценность, особенно когда мы проводим предварительные разыскания для избрания лауреатов Нобелевской премии» [39, p.2].

Однако – повторим ещё раз – качество научных документов, вопреки распространённейшему мнению, не отображается в цитируемости. Применимость данных о цитируемости документов для выявления работ нобелевского уровня связана с тем, что «статистика совпадений экспертной оценки качества научных документов и их цитируемости (оценки их ценности на основании цитируемости)» убеждает, «что уровень цитируемости может быть при необходимости принят за *вероятностный* показатель (ргоху) их качества, то есть за показатель, *использование которого основано не на причинно-следственных, а на вероятностных связях*» [36, с.52]. (При этом в редких случаях т.н. «отрицательного цитирования» отражается *высокая* ценность цитируемого документа при *низкой* оценке его качества). Всё это ничуть не удивительно и потому, что данные цитируемости неоднократно демонстрировали высокую корреляцию с другими (помимо Нобелевских премий) индикаторами «престижа» или «высокопоставленности», такими, например, как членство в академиях и т.д. [38, p.120].

Итак, рассуждения А.А.Крулева о применении экспертных оценок для выявления работ нобелевского уровня и вообще для оценки выдающихся научных результатов никак не могут уточнить исповедуемую мной концепцию ценности научных документов.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что в разделе «Ценно, но не использовано» А.А.Крулев впервые вышел за пределы рассмотрения понятий «ценность» и «качество» научных документов и обратился к понятиям «результативности» учёных и «нобелевского уровня» научных исследований, которое и связал именно с понятием «результативности». Но ни привлечение понятия «результативности» научных исследований (практически не получившего в его работе приемлемого определения), ни рассуждения об оценке нобелевского уровня исследований (с привлечением понятия «результативности») не смогли поставить под сомнение роли оценки цитируемости для определения ценности научных документов. Уточнить понимание ценности документов с привлечением понятия «результативности» научных исследований также не удалось. И это понятно, поскольку из самих приведённых А.А.Крулевым работ по данному вопросу следует, что «результативность научных исследований» – это синтетический концепт, включающий в себя качественно разные характеристики и не имеющий строго определения. Нужны ли дальнейшие рассуждения о том, что при анализе проблемы оценки документов, содержащих предполагаемо выдающиеся результаты, нет никакой надобности «уточнять» *конкретные свойства* оцениваемых документов через их *синтетическую характеристику* и «дополнять» *специфический* метод их оценки недостаточно обоснованными [28, с.45] подходами, направленными на оценку противоречиво определённой характеристики?!

Что чётко следует из рассматриваемого раздела статьи [1], так это недопустимость терминологической и понятийной путаницы и, соответственно, необходимость использования в наукометрии однозначно и предельно конкретно трактуемой терминологии. Вывод не новый, но актуальный.

5. «Цитировано, но не использовано»

С раздела под таким названием начинается статья А.А.Крулева, но я предпочёл рассмотреть его позже. Причина такого решения в том, что основной вектор атаки моего оппонента в этом и в следующем за ним разделе мне трудно вообще отнести к области методологии: общему принципу осуществления цитирования здесь противопоставлены частные... даже не всегда особенности его проявления, но – особенности человеческой деятельности по его *имитации*. Такая аргументация подобна следующему условному утверждению: «Идея монетарной системы сомнительна, поскольку встречаются фабрикации фальшивых банкнот». А между тем успешная подделка денежных знаков, обеспечивая фальсификатору реальные выгоды (до его разоблачения), свидетельствует как раз об *истинности* действующей монетарной системы – притом, что фальшивые банкноты частью денежной системы не являются.

Каким же образом мой оппонент ставит под сомнение применимость общего принципа «Цитировано, потому что использовано, а если использовано, значит – ценно» за счёт того, что существуют люди, которые либо умышленно, либо по небрежности имитируют факт цитирования? И что, на взгляд А.А.Крулева, следует из примеров встречающейся практики цитирования непрочитанного («номинального цитирования»)?

«Говоря о номинальном цитировании (не приводя этот термин)», – пишет А.А.Крулев, – «В.С.Лазарев ссылается на статью, авторы которой констатируют распространение цитирования непрочитанных работ [40], и делает эмоциональное заявление: из-за подобных аргументов следует ликвидировать всю наукометрию как систему, построенную на абсолютно недостоверном фундаменте [4, с.131]. Между тем распространённость проблем, связанных с номинальным цитированием, признают многие зарубежные исследователи» (с.82).

У меня не получается понять первую фразу из приведённой цитаты иначе, нежели как утверждение, что мной отвергается «вся наукометрия как система, построенная на абсолютно недостоверном фундаменте». Между тем, моё утверждение было *прямо противоположным: если бы* доля процитированных и не прочитанных работ действительно достигала 70 и более процентов, как явствует из [40], *это обозначало бы*, что вся наукометрия построена на абсолютно недостоверном фундаменте. Отвергая возможность подобной доли «номинального цитирования» я опирался на собственный опыт и здравый смысл:

«В 1979 г. в своей первой публикации я единожды процитировал одну работу, опираясь лишь на её реферат в РЖ; так вот: после последующего ознакомления с её полным текстом (полностью опровергнувшим измышления референта, которые в своей ссылке я невольно выдал за суть статьи) я, наученный опытом, не делал этого больше никогда» [2, с.12].

Описанное в [2, с.12] поведение кажется понятным и типичным, описанное же в [40] – немыслимым [4, с.131]. Ясно ведь, что практика сознательного цитирования непрочитанного чревата весьма существенным риском: в лучшем случае – риском «попасть впросак», в худшем – быть «схваченным за руку». Коли так, – будут ли авторы столь часто пренебрегать этим риском и *сознательно* обращаться к такой практике? Мне сложно представить себе её существенную распространённость среди учёных, и в [4, с.134] я называл такие ссылки не «номинальными», а «фальшивыми». И вовсе не случайно. Фальшивая банкнота может иметь все признаки подлинности, но при этом она не выполняет функции подлинной банкноты, не является частью денежной системы и *не ставит своим существованием под сомнение адекватность соответствующей монетарной системы*. Однако вброс значительной по объёму фальшивой денежной массы может вести к подрыву экономики. Аналогично: если произвести массовый «вброс» подобных ссылок, система наукометрических оценок раз-

рушится и извратится, и в случае подтверждения массовости фальшивых ссылок действительно следует прекращать практику прикладных наукометрических оценок. Тем не менее, сам факт существования фальшивых ссылок не ставит под сомнение принципиальную *адекватность наукометрической системы*. В одной из моих статей, рассмотренных А.А.Крулевым, эта мысль выражена следующими словами: «Не будем принимать во внимание «поддельные» ссылки: в конце концов, фальшивые банкноты также деньгами не являются» [3 с.69]. Это – действительно эмоциональная формулировка, но её смысл прямо противоположен: речь идёт не о призыве к «ликвидации наукометрии», а к призыву игнорировать выводы о «семидесятипроцентной» распространённости фальшивых ссылок [40].

А.А.Крулев приводит ещё одну ситуацию – на мой взгляд, надуманную, – когда библиографические описания, попавшие в списки цитируемой литературы, являются частью *материалов* наукометрических исследований, а не указывают на прочитанные документы и не имеют отношения к собственно источникам, использованным при *написании* цитирующей статьи. Это – имитация цитирования не по злему умыслу, а по небрежности. Разумеется, всем понятна неправильность подобной практики, – но, полно, существует ли ещё она?! У меня, например, журналы уже три года назад не включали в список цитируемых источников даже ссылки на изученные мной сайты, на которых я наводил *уточняющие справки о материалах своего исследования*. Это были прочитанные источники, то есть ссылки не были «номинальными»! И всё-таки они были сочтены частью «материалов», а не «использованных источников». И, как мне представляется, справедливо. Что уж говорить об анализируемых библиографических списках?! Обычно в журналах их оформляют в виде отдельных таблиц или приложений.

Итак, рассмотренная аргументация данного раздела статьи А.А.Крулева не может поставить под сомнение при-

чинно-следственную связь «цитировано, потому что использовано». Из текста раздела непонятно, какие практические рекомендации должны следовать из его аргументов. Да, действительно существуют практики, направленные *против* проявления самого принципа, на основании которого осуществляется цитирование. Но они же его не отменяют! В качестве «риторической аналогии» приведу ещё такой пример: когда-то в США было много продажных полицейских, работавших по существу *против* полицейской системы, но можно ли было из-за этого говорить о неоднозначности, о спорности или тем более о неадекватности самой идеи полиции?

А.А.Крулев указывает, что «распространённость проблем, связанных с «номинальным цитированием», признают многие зарубежные исследователи» (с.82), что, по-видимому, подразумевает моё недостаточное к ней внимание. Всё с точностью до наоборот: аспекты данной проблемы не только не были обделены и моим вниманием, но им были посвящены мои *отдельные статьи, не являющиеся методологическими*¹⁶. Ибо данные аспекты относятся к чисто техническим проблемам наукометрических исследований.

Так, мои работы [21, с.17–18; 41] касаются ссылок на неп прочитанное, сделанных *вынужденно*, вследствие того, что некоторые издательства и редакции журналов отказываются принимать статьи, имеющие менее определённого количества ссылок. Сталкивались мы с соавторами и с всевопиющим случаем: с требованием американского журнала заменить русскоязычные ссылки на англоязычные [21, с.17–18; 41]. Понятно, что следование подобным установкам извратило бы возможные будущие наукометрические исследования, основанные на ссылках в таких журналах, и просто привело бы к тому, что ссылки перестали бы

¹⁶ При этом меня интересовала в основном не труднодоказуемая и психологически плохо объяснимая недобросовестность исследователей, а практика «фальшивого цитирования», осуществлённая вынужденно или по небрежности.

служить достоверным средством поиска публикаций, выполняемого читателем соответствующих статей [41, p.93]. В недавней публикации [42] показано, как игнорирование неанглоязычных исследований приводит к «пристрастности» (ошибкам!) получаемых результатов мета-анализа в области экологии... Не желая производить фальшивые ссылки, мы на требование замены русскоязычных ссылок на англоязычные в своё время ответили прекращением переписки о возможности публикации в журнале, который данное требование выставил. Что же до «нормирования» количества ссылок (как по принципу «не менее», так и «не более»), я просто воздерживаюсь от публикации в изданиях, осуществляющих такое «нормирование», – за исключением тех случаев, когда «норма» не препятствует мне сделать столько и таких ссылок, сколько и каких я сам полагаю необходимым. Иными словами, техническая проблема, созданная издателем, может преодолеваться уже самими авторами путём технических же решений! Что же касается наукометрических исследований, то понятно, что привлечение в качестве их материалов журналов, которые не принимают статьи, содержащие, к примеру, меньше десяти ссылок, обеспечит включение определённой доли чисто «номинальных» ссылок, а привлечение журналов, которые не принимают статьи, содержащие, к примеру, больше двенадцати ссылок, заведомо приведёт к тому, что часть фактически использованных авторами документов будет не отражена в исследуемой выборке. Но *следует ли наукометристам использовать такие* (сомнительные) *источники?* Никому же не придёт в голову исследовать прогресс в той или иной научной области на основании анализа публикаций соответствующей тематики в хищнических журналах. Что же до наукометрических баз данных, то, как представляется, они должны были бы отказываться от индексирования журналов, устанавливающих «нормы» или «квоты» на число цитируемых документов.

Действительно существует проблема вмешательства издательств и редакций в структуру ссылок, которое не мотивировано содержанием статьи и её внутренними связями с цитируемым материалом, – и это серьёзная проблема. Но проблема эта – техническая, организационная, проблема эта заключается в бездарном и безответственном вмешательстве людей в саморегулирующуюся систему науки, а не в самой системе. Причины этого вмешательства, кстати, *подтверждают* действенность принципа «цитировано, потому что использовано»: ведь редактор, требующий англоязычных ссылок или ссылок на собственный журнал, озабочен тем, тем чтобы его страна (регион) и его журнал лучше «выглядели» с позиций наукометрической оценки: он подделывает то, что, будучи натуральным, указывало бы на востребованность публикаций конкретного региона и журнала. При этом на стадии подачи рукописи автор *цитирует, то, что использовал* [2-4], а фальшивые ссылки прибавляются к списку или даже заменяют часть оригинального списка не по его воле и не по его выбору. Однако авторы статей *могут не принимать* подобных ультиматумов, – хотя, коль скоро такая практика существует, понятно, что это не всегда просто. К природе, к сущности библиографического цитирования эти порочные практики отношения не имеют, – потому они и были рассмотрены в моих отдельных публикациях, посвящённых *именно этим, сопутствующим техническим проблемам*. Но нет никого противоречия во взглядах, высказанных мной в [2-4] и в [21; 41]: наличие порочных практик вынужденного цитирования непрочитанного под диктатом редакторов не отменяет и не «уточняет» **общий принцип** «цитировано, потому что использовано». Это – проблема, *требующая технического, а не концептуального решения*. Как указывалось выше, в наукометрических исследованиях ссылки в публикациях журналов, способных манипулировать цитированием своих авторов (что отражается уже в журнальных «нор-

мах» на число процитированных в их статьях источников) не должны, по-видимому, приниматься в расчёт¹⁷.

Следующий вариант цитирования непрочитанного (незамеченный А.А.Крулевым): фальшивые ссылки, сделанные по небрежности. Как вообще такое возможно? Оказалось, что опция, предусмотренная редакциями для удобства авторов – возможность использовать при подготовке трудов конференций готовые *шаблоны* библиографических списков – сыграла с невнимательными авторами дурную шутку. А именно, поскольку у авторов среди цитируемых документов (а технически цитируемость осуществлялась путём замены *образцов* ссылок на определённые виды документов в шаблоне на действительно цитируемые библиографические описания) порой не оказывалось ссылок на определённые их виды, то в результате некоторые авторы при написании статей *по небрежности* оставляли неудачными в списках литературы неиспользованные ими *образцы* библиографических ссылок – формально уже в качестве «процитированных работ» [44]! Как ни странно, и рецензенты, и редакторы оставляют это порой без внимания. В работе [44] описана именно такая ситуация, в результате которой было зафиксировано более 400 (!) ссылок на *несуществующую статью из несуществующего журнала*: «авторы, возможно, не поняли, что они должны были заменить текст шаблона своим собственным и, возможно, <поэтому> ошибочно оставили ссылку на Van der Geer <т.е. на несуществующую статью>, используя шаблон для написания своей статьи» [44].

¹⁷ Мне нравится следующая формулировка А.В.Марвина [43, с.584]: «их вычитание из наукометрических показателей является сугубо *организационной, а не методологической проблемой*» (выделено мной – В.Л.). Правда, сказано это было по поводу «отрицательных» ссылок; но, хотя наши с А.В.Марвиным взгляды на роль «отрицательных» ссылок диаметрально противоположны, приведённая формулировка верно отражает тот подход к *фальшивым ссылкам*, которого следовало бы придерживаться в наукометрических исследованиях. Если же «вычитание» фальшивых ссылок проблематично – следует, полагаю, просто не включать в исследования журналы, способствующие их появлению.

Итак, «небрежное письмо и небрежный контроль качества» [44] может породить сотни ссылок на несуществующую работу при полном отсутствии у авторов недобросовестности, и при полном отсутствии у редакторов желания манипулировать ссылками. При этом авторы вновь *не нарушали* принцип «Цитировано, потому что использовано, а если использовано, значит – ценно». Понятно, что в наукометрическом исследовании уточняются сведения о лидерах цитируемости, поэтому фантомность столь высокоцитируемой статьи была бы без проблем обнаружена. (Что, собственно, и произошло [44].) Но в любом случае данный пример свидетельствует о необходимости чёткой работы рецензентов и редакторов трудов конференций (что, кстати, и само по себе очевидно!), а вовсе не пересмотра, дополнения или уточнения рассматриваемого принципа. К закономерностям научных коммуникаций, одна из которых заключается в том, что цитируется то, что используется, эта ситуация вообще не имеет отношения. Вся эта ситуация – вопрос отвратительного исполнения своих обязанностей некоторыми рецензентами и редакторами, и я указывал на неё именно на web-страницах Ассоциации научных редакторов и издателей (<https://m.facebook.com/groups/782017671928624?view=permalink&id=1597762343687482>), а вовсе не в методологических статьях, посвящённых характеристикам цитируемости. Конечно, желающие могут складывать все яйца в одну корзину, но никто не вправе требовать этого от своих коллег без серьёзных обоснований или утверждать, что какому-то вопросу коллегой не было уделено внимания, если оно было уделено в отдельных, специально посвящённых этому вопросу работах.

... Специфика данного раздела настоящего труда в том, что в нём пришлось вынужденно сводить воедино обсуждение как вопросов методологии, так и ряда чисто технических проблем наукометрических исследований. С одной стороны, эта навязанная моим критиком эклектичность во-

все не соответствует моим эстетическим установкам. С другой стороны, – она позволяет подытожить ряд точек зрения по проблеме «цитируемость как наукометрический показатель» (при рассмотрении «цитируемости» как понятия, как общего принципа, а не как набора частных индикаторов, создаваемых под специфические задачи исследований). Это сведение воедино позволяет также снять кажущееся противоречие во взглядах, высказанных мной в [2-4] и в [22; 41]: наличие порочных практик вынужденного цитирования непрочитанного под диктатом редакторов не отменяет и не «уточняет» **общий принцип** «цитировано, потому что использовано», а является проблемой, *требующей технического решения*. Сознательная подделка проявления этого принципа в своих интересах авторами и издателями является лишь дальнейшим доказательством его истинности¹⁸.

6. «Использовано, но не цитировано»

«Следует отметить ещё одну актуальную проблему», – пишет А.А.Крулев, – отсутствие ссылки на цитируемый материал: «использовано, но не цитировано». Речь идёт не только о плагиате, но и об ошибках или небрежности в оформлении публикации.

Некоторые авторы умышленно не ссылаются на цити-

¹⁸ Здесь не место для подробного обсуждения ни причин такого явления, ни программы возможной борьбы с ним. Упомяну лишь вскользь, что среди бесспорных причин производства фальшивых ссылок – вульгарное понимание библиометрии и наукометрии чиновниками от науки, а среди бесспорных средств противодействия – деятельность советов по этике (или аналогичных структур) различных ассоциаций научных редакторов и издателей [21]. В то время как популярность приобретают различные предложения и рекомендации о том, сколько ссылок «должно быть» в обзорной и «обычной» научной журнальной статье, ассоциации и их советы по этике, напротив, должны всячески разъяснять решительный вред подобной практики хотя бы и рекомендательного «квотирования».

руемый документ, чтобы не влиять на наукометрические показатели оппонента. Иногда они вынуждены исключать источники, следуя требованиям редакции минимизировать библиографию» (с.84).

Что обозначают противоречивые формулы «отсутствие ссылки на *цитируемый* материал» и «не ссылаются на *цитируемый* документ»?! Идёт ли речь о дословном воспроизведении текста без указания источника или имеется в виду документ *использованный*, но не приведённый в списке цитируемой литературы? А.А.Крулев разбирает следующие виды ситуации «использовано, но не цитировано»: плагиат, «ошибки и небрежности в оформлении», нежелание ссылаться на оппонентов, диктат редакции по уменьшению числа ссылок. По-видимому, в реальной действительности научных коммуникаций все это имеет место; о степени же распространённости драматической ситуации нецитирования использованного можно было бы судить только по результатам исчерпывающей проверки *содержания каждой статьи* в сравнении со списками цитированной литературы. Нечего и говорить о том, сколь проблематична организация подобных исследований для представления сколь-либо репрезентативных данных. Никаких ссылок и данных, подтверждающих свою мысль о «масштабе бедствий», причиняемых прикладной наукометрии ситуацией «использовано, но не цитировано», А.А.Крулев не приводит; мне также неизвестны работы, которые подтверждали бы распространённость перечисленных им ситуаций. А может быть, речь идёт о единичных ситуациях, о погрешности?

Как интересно получается – отсутствие доказательств того, что какие-то материалы были якобы использованы, но не процитированы, выдаётся едва ли не за доказательство распространённости такого явления. Выше (сноска 9) я отмечал, что *все* документы, содержащие информацию, релевантную конкретному исследованию, *никогда* не достигают авторов, выполняющих соответствующее исследо-

вание. А отсюда следует, что отсутствие ссылок на «очевиднейшие» публикации отнюдь *не обозначает* того, что они были использованы, но не были процитированы. Авторы просто могли о них не знать! Или знали, но действительно не применили при создании цитирующей работы: «очевиднейшая» связь для одного специалиста не обязана быть таковой для другого.

«Ошибки и небрежность в оформлении публикаций», о которых пишет А.А.Крулев, действительно имеют место, и действительно приводят порой к тому, что не все использованное в цитирующей научной работе будет в ней процитировано. Это, кстати, общеизвестно. Более того, по-видимому, действительно не все использованное при выполнении отдельных конкретных работ цитируется в описывающих её результаты статьях – *вне связи даже и с ошибками и злым умыслом цитирующих* [45]. Но «цитирования основаны на мнениях большого количества учёных» [46, с.18], т.е. при привлечении больших массивов ссылок единичные «перекосы», по-видимому, составят незначительную долю. «Если взглянуть на ссылки в отдельной статье, можно найти много странностей, таких как пропущенные ссылки на особенно важные работы, или работы авторов, внёсших весомый вклад в область знания, или преувеличенное внимание к отдельному автору. Действительно, если анализировать всего *одну конкретную* статью, с её странными ссылками, можно получить весьма ошибочную картину об области знания. А когда в анализ будут включены дальнейшие работы, подобные, равно как и иные «неправильности» также будут обнаружены в списках цитируемой литературы. Значит ли это, что никто и никогда не получит никакой здоровой идеи о наиболее важных работах в этой области? С точки зрения статистики *все* исследователи ссылаются на предыдущие работы *совершенно произвольно*. Но никто всерьёз не станет трактовать ссылки *даже в одной отдельно взятой работе* <здесь выделено мной! – В.Л.> как абсолютно произвольные» [47, р.134].

Тем более – ссылки в рассматриваемых совокупностях работ. На больших массивах эти «странности» и небрежности сглаживаются.

Далее, если не все источники, использованные при создании цитирующей научной работы, будет в ней процитированы, остаётся верным «прямое» высказывание: *все, что процитировано учёным, было им использовано при создании цитирующей научной работы*. Именно это «прямое» высказывание и является формулировкой принципа. Цитируемость отражает не всё использование, – аргументы для этого утверждения приведены С.Г.Кара-Мурзой в работе [45], но *этот же автор*, как и многие другие, отмечает несомненное: *цитируемость отражает использование*. Можно испытывать скорбь или раздражение по этому поводу «неизбежной» неполноты его отражения, но – неполноты по сравнению с чем? *Не существует* метода, который более точно, нежели анализ цитируемости, отражал бы использование документов при выполнении конкретной научной работы. Об этом уже говорилось выше – равно как и в моих предыдущих работах, рассматриваемых А.А.Крулевым.

Далее мой оппонент, обращаясь к частным особенностям проявления принципа «цитировано, потому что использовано», указывает, что «В.С.Лазарев не делает никаких уточнений относительно области знаний, которой посвящена статья, сроков публикации работ, этапов жизненного цикла объекта. Все это влияет на типы использованных при подготовке публикации документов, в ряде случаев и на их количество. Например, документ может быть использован и процитирован в обзорной статье, но не цитирован в материале научной конференции» (с.84)¹⁹.

¹⁹ При этом не приведено *никаких доказательств* того, что «В.С.Лазарев» *должен был* сделать соответствующие «уточнения». Нужно ли напоминать о праве исследователя самому очерчивать границы своей работы? Так, например, А.А.Крулев **вообще никак не рассматривает** в своей статье мой анализ термина и понятия “*импаст*”, *вокруг которого, собственно, и «вращаются» разбираемые им статьи* [3; 4], но, поверьте, я считаю это его правом...

Но что же следует из того, что «документ может быть использован и процитирован в обзорной статье, но не цитирован в материале научной конференции» (с.84)? Да только то, что планирование наукометрического исследования должно быть аккуратным, тщательным – но разве это не очевидно?! Вообще изучение трудов конференций имеет свою специфику, и для обобщающих суждений о научной деятельности справедливо применяется значительно реже, чем изучение цитируемости журналов. Знаю об этой специфике не понаслышке (см., напр., мои работы, выполненные на основе анализа цитирования в материалах конференций [48; 49]). Доводилось мне также рассматривать и роль обзорных журналов как источников ссылок для библиометрических исследований, вообще рассматривать проблему отбора таких источников ([50, с.136–137]). Но – опять же – это делалась мной в статьях, обсуждающих *не принципиальные, а частные технические вопросы*. Именно потому, что специфика трудов конференций и обзорных журналов как источников библиографических ссылок для наукометрических исследований отнюдь не является принципиальным методологическим вопросом. Правильное понимание этой специфики действительно важно для адекватного планирования исследования, – но это понимание не отменяет и даже не уточняет общий принцип.

Далее и сам А.А.Крулев пишет: «Цитируемость может быть не учтена по техническим причинам» (с.84). Иными словами, он признает, что, хотя бы в ряде случаев, к *сущности* цитируемости его оговорки на тему «использовано, но не цитировано» не имеют отношения. Впрочем, верным является его замечание о том, что порой нецитируемость автора связана с тем, что «результат общеизвестен, а заслуги автора – общепризнаны» (с.85). Но в этом случае наукометрическая оценка и не нужна, – что признает и сам А.А.Крулев: «Публикации ученых предшествующих эпох не требуют оценки наукометрическими методами» (*Там же*). Впрочем, он тут же добавляет: «Однако вопрос «эмены эпох» и пере-

хода автора в разряд экспертов, не нуждающихся в библиографическом упоминании, пока остаётся открытым» (с.85). Не уверен, что этот вопрос имеет практическое значение. В любом случае, речь вновь идёт о частном (хотя и действительно весьма интересном) моменте.

Что следует из рассмотрения данного раздела? В наукометрии часто утверждается, что цитируемость отражает использование научных документов, но нечасто говорится о том, что при этом действительно отражается не всё использование [45]. Казалось бы, отсюда можно делать вывод, что в качестве показателя использования данный инструмент не пригоден. Но это – ложный вывод: по той простой причине, что «лучшего» (или «более адекватного») индикатора просто не существует.

Интересно, что именно «возражение», имеющее принципиальный характер и неплохо обоснованное С.Г.Карамурзой в работе [45] (хотя по причине отсутствия «лучшего метода» и несостоятельное), А.А.Крулевым как раз и не рассматривается. Его «возражения» – это констатация ряда технических деталей, которые следует учитывать при планировании (study design) наукометрических исследований. И «детали» эти обычно учитываются.

7. О небрежности оформления статьи А.А.Крулева

Казалось бы, статья, претендующая на то, чтобы «уличать» оппонента в недооценке деталей, невнимательности к ним, должна являть собой образец строгости и чёткости. Увы! Словно в качестве иллюстрации проблемы небрежного и неточного цитирования, о которой он же сам и упоминает, А.В.Крулев начинает ссылки в своей статье не с номера 1, но с номера 13. А монография «Научные коммуникации и информатика», авторами которой в выходных данных значатся А.И.Михайлов, А.И.Черный и Р.С.Гиляревский,

названа на с.88 его статьи «книгой Р.С.Гиляревского». (Кстати, в списке цитированной литературы к статье А.А.Крулева этой монографии нет; не является ли это практической иллюстрацией его мысли о том, что «некоторые авторы умышленно не ссылаются на цитируемый документ»?)

Далее, А.А.Крулев пишет (с.85), что «А.А. Первозванский считает, что отсутствие точной ссылки – наиболее явный признак того, что результат общеизвестен, а заслуги автора – общепризнаны»; приводит он и ссылку на статью А.А.Первозванского. Но за 25 лет до А.А.Первозванского эту идею высказал Юджин Гарфилд [51], а ссылка на исходную публикацию Ю.Гарфилда у А.А.Крулева отсутствует. И вряд ли это – практическая попытка моего оппонента подтвердить свою мысль о том, что некоторые авторы умышленно не ссылаются на использованный документ: ведь такими умолчаниями позицию Ю.Гарфилда не пошатнуть. Итак, недостаточное знание литературы?

Подобных примеров можно было привести значительно больше.

8. «Заключение»

В «Заключении» А.А.Крулев вновь напоминает нам как о существовании фальшивых ссылок, так и о встречающейся практике замалчивания используемых работ; а также и о возможном изменении статуса и содержания цитируемого документа (при «превращении» препринта в статью). Он указывает, что, «говоря о неразрывной связи цитируемости и использования документов (в частности, научных статей), следует учитывать» эти факты (с.88). Но никто и не спорит с тем, что многое нужно учитывать *при планировании прикладных наукометрических исследований*, – включая особенности обзорных журналов и трудов конференций. Ряду технических проблем, которые необходи-

мо решить для того, чтобы отбираемые для таких исследований данные о цитируемости обеспечивали получение достоверных результатов, были посвящены и мои специальные статьи, о которых упоминалось выше. Однако, концептуального значения эти оговорки в соответствии со всем вышеизложенным не имеют.

А.А.Крулев вновь касается и «результативности научных исследований». Он замечает, что «В.С.Лазарев ссылается на фундаментальную в области наукометрии книгу Р.С.Гиляревского «Научные коммуникации и информатика» и пишет о том, что только на основе общественной практики можно судить о ценности научной информации. При этом автор не оговаривает, что важнейший из рассматриваемых им критериев – ценность – напрямую связан с результативностью научного исследования. В области технических наук это правило сравнительно легко проверить, например, анализируя эффективность инновационных объектов, технологий, материалов и т.д., описанных в научных публикациях» (с.88). По поводу этой формулировки я не считаю необходимым повторно рассматривать связь ценности *научных документов* с результативностью *учёных* (т.е. с понятием, не имеющим единого признанного определения и относящимся к другому объекту). Мысль о «прямой связи» ценности с «результативностью» выражена моим оппонентом весьма нечётко, ссылками не сопровождается, но названа «правилом». Собственно, потому я и касаюсь здесь его повторного обращения к «результативности»: ссылаясь на «правило» – тем более в полемической статье, – следовало бы *чётко его сформулировать*, исключив любые недоразумения, и привести необходимые ссылки. Этого нет.

Путаностью отличается следующая фраза заключения: «Ключевые параметры оценки, используемые в наукометрии (импакт-фактор, индекс Хирша, цитируемость и др.), на наш взгляд, можно принимать безоговорочно, только приравняв их к элементам профессиональных научных

коммуникаций» (с.88–89). Не берусь гадать, имел ли автор в виду, что я якобы «принимаю безоговорочно» «импакт-фактор» и «индекс Хирша» (храни меня Господь от такого!), но должен (во избежание неверного понимания этой фразы) оговорить, что критике применения «импакт-фактора» не по назначению у меня посвящён фрагмент работы [21] (с.16,18). Что же до индекса Хирша, я и вовсе его нахожу курьёзным инструментом [21, с.16], поскольку «если «первый учёный написал <...> 10 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», а «второй учёный <...> написал 10 статей, каждая из которых цитируется 100 раз, и 100 статей, каждая из которых цитируется 10 раз», то «индексы Хирша первого и второго учёного одинаковы и равны 10. При этом суммарная цитируемость этих учёных отличается в 20 раз в пользу второго учёного» [52]... Мало того, концептуально индекс Хирша представляет собой искусственный гибрид, в котором содержится попытка отражения двух свойств разных объектов (ценности статей и продуктивности учёного) одной цифрой.

В этой формулировке А.А.Крулев вновь ставит в один ряд принципиально различные объекты: цитируемость – это общая, принципиальная характеристика как отдельного документа, так и совокупности документов, импакт-фактор – *частный* индикатор, *частный* случай применения этой принципиальной характеристики для оценки периодического издания... Предложение приравнять *различные по основанию объекты равным образом* «к элементам профессиональных научных коммуникаций» (с. 89) выглядит несколько коряво. Однако рассмотрим его по существу.

Статья А.А.Крулева называется «Цитирование как форма научных коммуникаций», но единственная, на мой взгляд, фраза во всем тексте, соответствующая данному названию, это именно процитированная выше фраза о необходимости «приравнять к элементам профессиональных научных коммуникаций» показатели цитируемости. Отвлекаясь от её внутренних противоречий, не задаваясь

вопросом, какие практические выводы из этого следуют, спросим, какова же *новая мысль* автора о цитируемости как форме научных коммуникаций?.. Открываем классическую монографию В.В.Налимова и З.М.Мульченко *1969 года* (!) [53] и читаем: «Мы предлагаем рассматривать систему библиографических ссылок в научных публикациях как особый специфический язык научной информации. <...> Система научных цитат оказывается тем кодовым языком, который позволяет писать статьи в компактной форме, без повторений. Идеи, на которые опирается автор в своей публикации, передаются этим языком» [53, с.16]. Или вот формулировка В.В.Налимова 1974 года: «...язык библиографических ссылок в научных публикациях <...> это особый язык, в котором с каждой библиографической ссылкой ассоциируются идеи, содержащиеся в ранее опубликованной работе, соответствующей этой ссылке» [54, с.65].

Но равнозначны ли утверждения о ссылках как языке и о ссылках как форме коммуникаций? За ответом считаю достаточным обратиться к расхожим определениям, доступным «по первому клику» в Интернете. Вот что получилось в результате поиска таких определений у меня: *язык* – это знаковая система произвольной природы, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях *коммуникации*. Коммуникации же – это обмен информацией, смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Научные же коммуникации – это распространение научных знаний. Не вижу смысла подробнее обсуждать здесь терминологические проблемы взаимодействия понятий «язык» и «коммуникации», т.к. не считаю, что уровень чёткости выражения исходной идеи моим оппонентом заслуживает более подробного обсуждения. Упомяну лишь, что классические формулировки В.В.Налимова кажутся мне более чёткими... И если выше я приводил пример забвения американскими специалистами русскоязычных

классиков, то, может быть, есть смысл задаться вопросом «Но помним ли мы их сами?!».

Итак, будет ли преувеличением вывод, что содержанию названия статьи А.А.Крулева соответствует одна фраза сомнительной чёткости изложения, выражающая мысль сомнительной новизны?

Среди дальнейших формулировок «Заключения»: утверждение, что понятие «ценность» имеет «субъективно-личностный характер» (а как же утверждение, что критерием ценности является общественная практика, против которого одиннадцатью строками выше моим оппонентом не было выдвинуто никаких возражений?!)²⁰, упоминание о том, «возрастает риск просто не увидеть документ в потоке» (соответствующие опасения высказывались специалистами ещё в 60-е годы прошлого века!) и утверждение о том, что «ценность документов определяется экспертами», – хотя ценность может быть определена *только в ходе использования и никак не априорно, не умозрительно*. Когда А.А.Крулевым писалась фраза про определимость ценности экспертами, им вновь было забыто сказанное им же – только теперь уже двадцатью одной строчкой выше.

Таким образом, приходится признать, что конструктивные подходы в работе [1] отсутствуют.

²⁰ Вспомним ещё раз: «Ценность объективна как порождение практического отношения (взаимодействия) объекта и субъекта; она объективна, так как образуется в процессе общественно-исторической практики» [7, с.232]. См. тж. рассмотрение мной зависимости *от познающего субъекта оценки именно качества – в отличие от ценности* – в работе [2, с.4–6], которую А.А.Крулев читал (ибо цитировал) но никаких комментариев к данному её тезису в своей статье [1] не сделал.

9. Заключительное слово автора

На мой взгляд, рассмотренная статья ещё раз свидетельствует о распространённой в наукометрической среде путанице между ценностью и качеством научного документа²¹; и если данным трудом мне удалось помочь кому-нибудь из читателей внести ясность в понимание данного вопроса, – то он уже был написан не напрасно.

Также, как представляется, статья А.А.Крулева свидетельствует о необходимости дальнейших исследований отображения ценности и качества научного документа средствами наукометрии (библиометрии)²², а также о необходимости дальнейшего развития понятия «использование научного документа» – при его внешней очевидности и даже с учётом пристального внимания, уделённого мной этому вопросу как в [2, с.8–10], так и в [56] (где рассмотрение проблемы значения данного термина выходит на новый виток обсуждения). Слишком много принятых в литературе трактовок этого понятия создают, на мой взгляд,

²¹ В разделе 3 я уже упоминал о том, что данные понятия перепутаны даже в таком труде как «Руководство по наукометрии» [19]. К сожалению, такая путаница действительно достаточно типична: так, например, именно о качестве как о свойстве, отображаемом цитируемостью, пишет цитируемый мною выше О.В.Михайлов [20] – равно, как и критикующая его работу Р.Г.Касимова [55] (вольно или невольно включающая в рамки «качества» и продуктивность, и «импакт»... Мало того, согласно [55], качество оценивается и на основании цитируемости, и экспертной оценки, и по количеству публикаций в журналах с высоким импакт-фактором...). В качестве примера терминологической путаницы можно привести также уже упоминавшуюся выше статью С.В.Марвина [43], согласно которому и цитируемость, и экспертные оценки, указывают на «научную значимость» (а не на ценность и качество), причём никакого определения «научной значимости» он в своей работе [43] не приводит...

²² Анализу последних публикаций об оценке *ценности и качества* научных документов, в частности, об отображении *ценности и качества* цитируемых научных документов в их цитируемости посвящены мои статьи [56; 57]. Однако и этих вынужденно ограниченных по объёму работ явно недостаточно.

порой путаницу в этом даже среди единомышленников. Рассмотрению эволюции и содержания понятия «использование научного документа» следует посвятить отдельную работу.

Анализ взглядов моего оппонента был бы плодотворным и сквозь призму критического рассмотрения нормативной теории цитирования и её «интуитивного» некритического принятия многими авторами: слишком часто путаница в осмыслении цитируемости возникает из-за того, что некоторые специалисты до сих пор считают само собой разумеющимися, что при отборе документов для цитирования авторы якобы сознательно руководствуются представлениями об их качестве и желанием «вернуть интеллектуальный долг» цитируемому автору [58]. Однако, такая картина действительности не соответствует [59; 60]. Поэтому соответствующая критико-обзорная публикация могла бы, как представляется, быть полезной и окончательно «выбила бы почву» из-под утверждений о прямой причинно-следственной связи между *качеством* документа и его цитируемостью... однако, *данный* труд завершён. Мне не хотелось писать к нему «классического» заключения: вследствие того, он во многом являлся опровержением, оно включило бы в себя слишком много повторений ранее опубликованных мной выводов из прежних работ. Поэтому я привёл лишь *несколько* соображений о причинах методологических ошибок А.А.Крулева, – соображений, в которых намечены и возможные исследовательские вызовы.

Отдельного внимания в этой завершающей части работы требует, по-видимому, проблема манипуляций со ссылками, производства «фальшивых ссылок» и ликвидации ссылок на реально использованные документы: будучи технической, она приобретает, тем не менее, уже достаточно зловещие очертания и требует мер по её решению. Эту проблему весьма быстро создали чиновники от науки, вульгаризаторски трактующие прикладную наукометрию; поэтому и решение этой проблемы лежит в сфере государ-

ственной политики, а не наукометрии. В руках чиновников наукометрия превратилась в инструмент «давления на научное сообщество и искажения общепринятой ранее в науке реальности» [11, с.5] – следует вырвать её из *этих* рук. Как представляется, первичная оценка списка цитируемой литературы на предмет «фальшивых ссылок», пропущенных ссылок, «накруток» и т.п. (при рассмотрении статей, поданных в печать) является обязанностью рецензента. Однако, очевидно, что для этого необходим приём соответствующих документов (профессиональных стандартов? этического кода?). При этом следует учитывать универсальность принципа презумпции невиновности, из которого следует, что отсутствие в списке цитированной литературы даже самой «очевидной» ссылки абсолютно не обязательно обозначает того, что был умышленно проигнорирован какой-то использованный материал.

Автор выражает искреннюю признательность профессору В.М.Тютюннику за интерес к данной работе и её редактирование.

Литература

1. Крулев А.А. Цитирование как форма научной коммуникации // Научные и технические библиотеки. – 2020. – №3. – С.79–92. – DOI: 10.33186/1027-3689-2020-3-79-92. <https://ntb.gpntb.ru/jour/article/view/555/518>.
2. Лазарев В.С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. – 2017. – Т.42, №1. – С.3–16. <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>.
3. Лазарев В.С. Неудовлетворительные определения или смутно понимаемое понятие? Об определениях термина «импакт» // Наука и научная информация. – 2019. – Т.2, №1. – С.63–78. – DOI: 10.24108/2658-3143-2019-2-1-63-78. https://www.neiconjournal.com/jour/article/view/19?locale=ru_RU.
4. Лазарев В.С. Свойство, которое на самом деле оценивают, когда говорят, что оценивают «импакт» // Наука и научная информация. – 2019. – Т.2, №2. – С.129–138. – DOI: 10.24108/2658-3143-2019-2-2-129-138. https://www.neiconjournal.com/jour/article/view/43?locale=ru_RU.
5. Терминологический словарь по информатике. Москва: МЦНТИ, 1975. – 752 с.
6. Lazarev V.S. On chaos in bibliometric terminology // Scientometrics. – 1996. – V.35, No 2. – P. 271–277. <https://doi.org/10.1007/BF02018485>.
7. Зозулич М.Ф. Особенности управления информационными ресурсами предприятия / М.Ф.Зозулич, М.А.Венделева // Экономика и эффективность организации производства: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-техн. конф. – Брянск: БГИТА, 2008. – Вып.9. – С.230–233.
8. Лазарев В.С. Можно ли считать уровень цитируемости научных документов показателем их качества? // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение: сб. науч. ст. / Центр. науч. б-ка им. Я.Коласа НАН Беларуси; редкол.: А.И.Груша и др. – Минск: Беларуская навука, 2018. – С.88–103. <https://rep.bntu.by/handle/data/37342>.
9. Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика – М.: Наука, 1976. – 435 с.
10. Минкина В.А. Изучение документальных потоков для определения ценностных свойств технической литературы // Труды. – Ленинград: ЛГИК, 1983. – Т.76: Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии. – С.111–122.
11. Тютюнник В.М. Предисловие научного редактора // Лазарев В.С. «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: изд-во «Нобелистика», 2018. – С.4–6.

https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/47989/Citiruemost_nobelevskogo_klassa.pdf?sequence=3.

12. Лазарев В.С. О проблемах идентификации информационных источников, выявляемых в ходе исследований цитат-показателей с применением Journal Citation Reports / В.С.Лазарев, И.В.Юрик // Системный анализ и прикладная информатика. – 2018. – № 1. – С. 4–15. – DOI: 10.21122/2309-4923-2018-1-4-15. <https://sapi.bntu.by/jour/article/view/197>.

13. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь СТБ ISO 9000-2015 (ISO 9000:2015, IDT). – Взамен СТБ ИСО 9000-2006; введ. 2016-03-01. – Минск: Госстандарт; БелГИСС, 2015. – 54 с. (Государственный стандарт Респ. Беларусь)

14. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь (с Поправкой) ГОСТ Р ИСО 9000-2015 (Национальный стандарт Российской Федерации) [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения 27.03.2020).

15. Martin B.R. Assessing basic research: Some partial indicators of scientific progress in radio astronomy / B.R.Martin, J.Irvine // Research Policy. 1983, V.12, No.2, pp.61–90.

16. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии / под. ред. Е.Л.Радлова. – СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1904. – 284 с.

17. Encyclopedia Britannica. – Chicago; London; Toronto; Geneva; Sydney; Tokyo; Manila: William Benton Publ., 1969. V.18, 1011 p.

18. Lazarev V.S. Don't dismiss non-English citations / V.S. Lazarev, S.A.Nazarovets // Nature. 2018, V.556, No.7700, p.174. – DOI: 10.1038/d41586-018-04169-2. <https://www.nature.com/articles/d41586-018-04169-2>.

19. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: монография / М.А.Акоев, В.А.Маркусова, О.В.Москалева, В.В.Писляков; [под. ред. М.А.Акоева]. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2014. – 250 с.

20. Михайлов О.В. Индекс цитирования учёного: важнейший ли это критерий качества его научной деятельности? // Науковедение. – 2001. – №1. – С.201–207.

21. Лазарев В.С. Власть библиометрических иллюзий над ленивыми, профанация плодотворных идей и проклятье «парабиблиометрической» оценки науки // Научный редактор и издатель. – 2019. – Т.4, №1-2. – С.12–20. – DOI 10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20. <https://www.scieditor.ru/jour/article/view/93/74>.

22. Kurtz M.J. Usage bibliometrics / M.J.Kurtz, J.Bollen // Annual Review of Information Science and Technology. 2010. V.44, Issue 1, pp.3–64. DOI: 10.1002/aris.2010.1440440108.

23. Лазарев В.С. Обращения читателей к научным периодическим изданиям как показатель тематической направленности изданий // Методологические проблемы медицинской информатики и науковедения: сб. науч. тр. / М-во здравоохранения СССР; Науч.-производственное объединение "Союзмединформ" и др. – М., 1989. – С.173–186. <https://rep.bntu.by/handle/data/25434>.

24. Lazarev V.S. Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment // International Journal of Information Sciences for Decision Making. 1997. No.1 (December), pp.1–17. http://isdml.univ-tln.fr/PDF/isdml1/isdml1a6_lazarev.pdf.

25. Bradford S.C. Sources of information on specific subject // Engineering. 1934. V.137, No.3550, pp.85–86.

26. Скалабан А.В. Библиометрическое исследование публикаций работников Белорусского национального технического университета с помощью баз данных Web of Science и Scopus и оценка эффективности их научной деятельности: 2011–2015 гг. / А.В.Скалабан., И.В.Юрик, В.С.Лазарев // Приборы и методы измерений. – 2017. – Т.8, №1. – С.81–92. – DOI: 10.21122/2220-9506-2017-8-1-81-92. <https://pimi.bntu.by/jour/article/view/291/281>.

27. Васильев, Р.Ф. О количестве публикаций и частоте их цитирования как наукометрических показателях // Материалы к симпозиуму «Исследование операций и анализ развития науки». – М., 1967. – Ч.1: Методы анализа развития науки. – С.60–69.

28. Фурсов К. Факторы результативности научной деятельности: микроуровневый анализ / К.Фурсов, Я.Рощина, О.Балмуш // Форсайт. – 2016. – Т.10, №2. – С.44–56.

29. Кулагин А.С. Что такое научный результат и как его регистрировать и оценивать // Инновации. – 2018. – №12 (242). – С.15–20.

30. Лазарев В.С. Библиометрия // Вопросы библиографоведения и библиотековедения: межведомств. сб. – Минск: Университетское, 1991. – Вып.12. – С.3–18. <https://rep.bntu.by/handle/data/25451>.

31. Virgo J.A. A statistical procedure for evaluating the importance of scientific papers // The Library Quarterly. – 1977. V.47, No.4, pp.415–430. <https://doi.org/10.1086/620723>.

32. Lawani S.M. Validity of citation criteria for assessing the influence of scientific publications: New evidence with peer assessment / S.M. Lawani, A.E.Bayer // Journal of the American Society for Information Science. 1983. V.34, No.1, pp.59–66.

33. Rhina E.J. Comparative analysis of a set of bibliometric indicators and central peer review criteria: Evaluation of condensed matter physics in the Netherlands / E.J.Rinia, Th.N. van Leeuwen, H.G. van Vuren, A.F.J. van Raan // Research Policy. 1998. V.27, No.1, pp.95–107. [https://doi.org/10.1016/S0048-7333\(98\)00026-2](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(98)00026-2).

34. Nicolaisen J. The J-shaped distribution of citedness // Journal of Documentation. 2002, V.58, No.4, pp.383–395. <https://doi.org/10.1108/00220410210431118>.

35. Full text of Alfred Nobel's will // The Nobel Prize [E-resource]. – Mode of access: <https://www.nobelprize.org/alfred-nobel/full-text-of-alfred-nobels-will-2/>. (date of access: 05.06.2020)

36. Лазарев В.С. «Цитируемость нобелевского класса» и понятия, выражающие характеристики и свойства цитируемых научных документов. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2018. – 70 с. https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/47989/Citruemost_nobelevskogo_klassa.pdf?sequence=3.

37. Garfield E. Forecasting the Nobel Prize winners: some caveats are in order // The Scientist. 1990. V.4, No.19, Oct.1. – Reprinted in: Essays of an Information Scientist. Essays of an Information Scientist. Philadelphia: ISI Press, 1991. V.14, pp.382–383. <http://www.garfield.library.upenn.edu/essays/v14p382y1991.pdf>.

38. Garfield E. Of Nobel class⁶. Part I: An overview of ISI studies of highly cited authors and Nobel laureates / E.Garfield, A.Welljams-Dorof // Current Contents. 1992. No.33, pp.3–13. – Reprinted in Essays of an Information Scientist. Essays of an Information Scientist. Philadelphia: ISI Press, 1992. – Vol.15, pp.116–126. <http://garfield.library.upenn.edu/essays/v15p116y1992-93.pdf>.

39. Garfield E. Identifying Nobel class scientists and the uncertainties thereof [: an unpublished paper presented at the European Conference on Scientific Publication in Medicine and Biomedicine, Lund, Sweden, April 21, 2006 and at the Third Nordic Conference on Scholarly Communication in Lund, Sweden, April 25, 2006]. – 30 p. [E-resource] <http://www.garfield.library.upenn.edu/papers/lund2006.pdf>.

40. Simkin M.V. Stochastic modeling of citation slips / M.V.Simkin, V.P.Roychowdhury // Scientometrics. 2005. V.62, No.3, pp.367–384. <https://doi.org/10.1007/s11192-005-0028-2>.

41. Lazarev V.S. Manipulation of bibliometric data by editors of scientific journals // European Science Editing. 2019. V.45, No.4, pp.92–93. DOI: 10.20316/ESE.2019.45.19011.

42. Konno K. Ignoring non-English language studies may bias ecological meta-analyses / K.Konno, M.Akasaka, C.Koshida, N.Katayama, N. Osada, R.Spake, T.Amano // Ecology and Evolution. 2020. <https://doi.org/10.1002/ece3.6368>.

43. Марвин С.В. О статистической взаимосвязи между экспертными оценками научных журналов и их импакт-факторами // Научные

ведомости Белгородского государственного университета: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т.44, №4. – С.583–592.

44. The “phantom reference.” How a made-up article got almost 400 citations // Retraction Watch [E-resource]. – Mode of access: <https://retractionwatch.com/2017/11/14/phantom-reference-made-article-got-almost-400-citations/> (date of access: 06.04.2020).

45. Кара-Мурза С.Г. Цитирование в науке и подходы к оценке научного вклада // Вестник АН СССР. – 1981. – №5. – С.68–75.

46. Борнман Л. Мудрость цитирующих учёных / Л.Борнман, В.Маркс // Международный форум по информации. – 2013. – Т.38, №4. – С.17–21.

47. van Raan A.F.J. In matters of quantitative studies of science the fault of theorists is offering too little and asking too much // *Scientometrics*. 1998. V.43, No.1, pp.129–139. <https://doi.org/10.1007/BF02458401>.

48. Lazarev V.S. Bibliometric research of international scientific conferences proceedings in the context of current objectives of library and information service / V.S.Lazarev, O.K.Safonenko, D.A.Yunusova // *Journal of Interlibrary Loan, Document Delivery and Information Supply*. 2001. V.11, No.4, pp.103–118. <https://rep.bntu.by/handle/data/25399>.

49. Lazarev V.S. Biomedical application of magnetic fluids as a specific interdisciplinary problem / V.S.Lazarev, S.Roath, D.A.Yunusova, O.K.Safonenko // *Metadebates on Science: The Blue Book of "Einstein Meets Magritte"* / Ed. by G.C.Cornelis and J.P. Van Bendegem. – Dordrecht; Boston; London; Brussels: Kluwer Academic Publishers, VUB University Press, 1999, pp.119–138. <https://rep.bntu.by/handle/data/25411>.

50. Лазарев В.С. Некоторые проблемные вопросы отбора научной периодики в помощь выполнения исследований конкретной проблематики путем цитат-анализа / В.С.Лазарев, А.В.Скалабан // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема года — «Эффективное использование информационных технологий и наукометрических инструментов в библиотечно-информационной, научной и образовательной деятельности»: доклады II Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 декабря 2016 г. / Государственное учреждение «Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И.С.Лупиновича» Национальной академии наук Беларуси ; редкол.: В.В.Юрченко [и др.]; науч. ред. и сост. И.Б.Стрелкова; рец.: Р.Б. Григянец, Е.Е.Долгополова. – Минск: Ковчег, 2016. – С.134–145. <https://rep.bntu.by/handle/data/26510>.

51. Garfield E. Uncitedness III—The importance of *not* being cited // *Current Content*. 1973. No.8, pp.5–6. Mode of Access: <http://garfield.library.upenn.edu/essays/V1p413y1962-73.pdf>. Date of access: 24.03.2020.

52. Полянин А.Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша. Индексы максимальной цитируемости // EqWorld: Мир математических уравнений [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/Polyanin_IndexH_2014.html. (дата доступа: 02.04.2020)
53. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
54. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1974. – 271 с.
55. Касимова Р.Г. Наукометрические показатели как один из индикаторов качества научной деятельности // Наукоедение. – 2002. – №1. – С.132–143.
56. Lazarev V.S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (or again: what property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 1 // University Library at a New Stage of Social Communications Development. 2019. No.4, pp.28–36. https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187405.
57. Lazarev V.S. On the possibilities of evaluating properties of scientific documents on the basis of their citations count (or again: what property is reflected by citations count par excellence, after all?). Part 2: Quality? // University Library at a New Stage of Social Communications Development. 2019. No.4, pp.37–42. https://doi.org/10.15802/unilib/2019_187406.
58. Cole J.R. Scientific output and recognition: a study in the operation of the reward system in science / J.R.Cole, S.Cole // American Sociological Review. 1967. V.32, No.3, pp.377–390.
59. MacRoberts M.H. Problems of citation analysis / M.H. MacRoberts, B.R.MacRoberts // Scientometrics. 1996. Vol.36, No.3, pp.435–444. <https://doi.org/10.1007/BF02129604>.
60. Nicolaisen J. Citation analysis // Annual Review of Information Science and Technology. 2007. Vol.41, No.1, pp.609-641. DOI: 10.1002/aris.2007.1440410120.

Об авторе

Владимир Станиславович Лазарев работал в 1977-1998 гг. в группе научной медицинской информации НИИ гематологии и переливания крови Министерства здравоохранения Беларуси: по 1981 год младшим, а с 1981 года – старшим научным сотрудником; с 1980 года – с выполнением обязанностей руководителя группы. С декабря 1998 года по март 2016 года – вначале заведующий отделом научно-технической информации, интеллектуальной собственности и менеджмента качества научно-исследовательской части Белорусского национального технического университета (БНТУ), затем – ведущий инженер данного отдела. С марта 2016 года – заведующий сектором отдела информационных технологий Научной библиотеки БНТУ, с февраля 2018 г. – ведущий библиограф отдела маркетинга и проектной деятельности, а с февраля 2019 г. – ведущий библиограф отдела развития научных коммуникаций.

Член международного научного общества «Качественные и количественные методы исследования в библиотеках» (с 2017 г.). Член научного комитета международного журнала *International Journal of Information Sciences for Decision Making* (1997-2000), член редакционных коллегий журналов «Управление наукой: теория и практика» (с 2019) и *European Science Editing* (с 2020). Член-корреспондент Постоянного комитета ИФЛА по сериальным изданиям и другим продолжающимся ресурсам (2019-2021).

Автор более 260 публикаций (включая ряд научных статей в научной периодике США, Великобритании, Франции и др. стран, а также в международной), более 60 докладов на различных конференциях. В.С.Лазаревым выполнен ряд проектов по библиометрии и с привлечением библиометрии, в т.ч. темы НИР «Разработка библиометрической методики отбора и оценки мировых научных периодических изданий, публикации в которых необходимы для качественной реализации научных исследований в

Республике Беларусь» (исполнитель, 2017), «Система проведения студенческих научных конференций и публикация студенческих работ как средство подготовки творчески активных профессионально зрелых специалистов: состояние и пути совершенствования» (научный руководитель, 2000-2002), «Белорусские средства массовой коммуникации и формирование постчернобыльского стресса у населения» (Research Support Scheme (OSI/HESP), грант №1290/1996 – индивидуальный грантополучатель на выполнение исследования, 1996). В 1990-е годы участвовал также в эпидемиологических исследованиях постчернобыльской онкогематологической заболеваемости населения Беларуси.

E-Mail: vlas0071@gmail.com

Адрес: 16 ул. Якуба Коласа, 220013, Минск, Беларусь

ResearchID: D-5165-2016

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>

Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=-C7EcR8AAAAJ&hl=ru&oi=sra>

ResearchGate:

https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Lazarev6

About the Author

Vladimir S. Lazarev worked at the Unit of Scientific Medical Information, Institute of Hematology and Blood Transfusion of the Health Ministry of Belarus (1977-1998): till 1981 – as junior, and since 1981 – as a senior researcher; since 1980 – also acting as the head of the Unit. Since December 1998 to March 2016 he was first the Chief of the Department of Scientific and Technical Information, Intellectual Property and Quality Management of the Research Division of the Belarusian National Technical University (BNTU), then – a leading engineer of this Department. Since March 2016 he is with the Scientific Library of the BNTU (at present – at the Department for Scholarly Communications Development).

Member of the International Society of *Qualitative and Quantitative Methods in Libraries* (since 2017). Corresponding member of the IFLA Serials and Other Continuing Resources Standing Committee (2019-2021). Member of the Scientific Committee of the *International Journal of Information Sciences for Decision Making* (1997-2000), member of the Editorial Boards of the journals *Upravlenie naukoy: teorija i praktika* (*Science Management: Theory and Practice*) (since 2019) and *European Science Editing* (since 2020).

The author of over 260 papers and synopses (including a number of research articles published in scientific periodicals of the USA, UK and France, and also in international ones), of more than 60 presentations at various conferences. Vladimir Lazarev fulfilled a number of projects in bibliometrics and with the involvement of bibliometrics, including research projects on the "Development of bibliometric methods for selection and assessment of world scientific periodicals, which publications support quality implementation of scientific research in the Republic of Belarus" (executor, 2017), "System of holding student scientific conferences and publication of student work as a means of training creative mature professionals: state of arts and ways of improvement" (supervisor, 2000-2002), and also

"Belarusian mass media and the post-Chernobyl public stress formation" (Research Support Scheme (OSI/HESP), grant No 1290/1996 – individual grantee to perform the research work, 1996). In the 90-ies of XX century Vladimir Lazarev also participated in post-Chernobyl epidemiological studies of blood malignancies morbidity of the population of Belarus.

E-Mail: vlas0071@gmail.com

Address: 16, Ya. Kolasa St, 220013 Minsk, Belarus

ResearcherID: D-5165-2016

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0387-4515>

Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=-C7EcR8AAAAAJ&hl=ru&oi=sra>

ResearchGate:

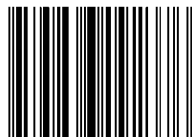
https://www.researchgate.net/profile/Vladimir_Lazarev6

Научное издание

**Цитируемость как средство отражения ценности
и качества научных документов, результативности
учёных, нобелевского уровня исследований**

Научный редактор – В.М. Тютюнник
Зав. редакцией – Л.В. Головачева
Технический редактор – И.С. Корскова
Корректор – И.С. Корскова

ISBN 978-5-86609-237-6



9 785866 092376 >

Издательство МИНЦ «Нобелистика»
Лицензия ЛР № 070792 от 16.12.1997

Сдано в набор 20.06.2020. Подписано в печать 18.07.2020. Формат 60 × 84/16.
Объём 4,0 печ. л. Тираж 500 экз. Изд. зак. № 136. Тип. зак. № 150.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства МИНЦ

Издательство МИНЦ «Нобелистика»
Россия, 392680, г. Тамбов, ул. Монтажников, 3.
E-mail: nobel-centre@mail.ru

V.S. LAZAREV

**CITEDNESS
AS THE MEANS OF REPRESENTATION
OF VALUE AND QUALITY
OF SCIENTIFIC DOCUMENTS,
PERFORMANCE OF SCIENTISTS
AND THE NOBEL LEVEL
OF RESEARCH**

2020